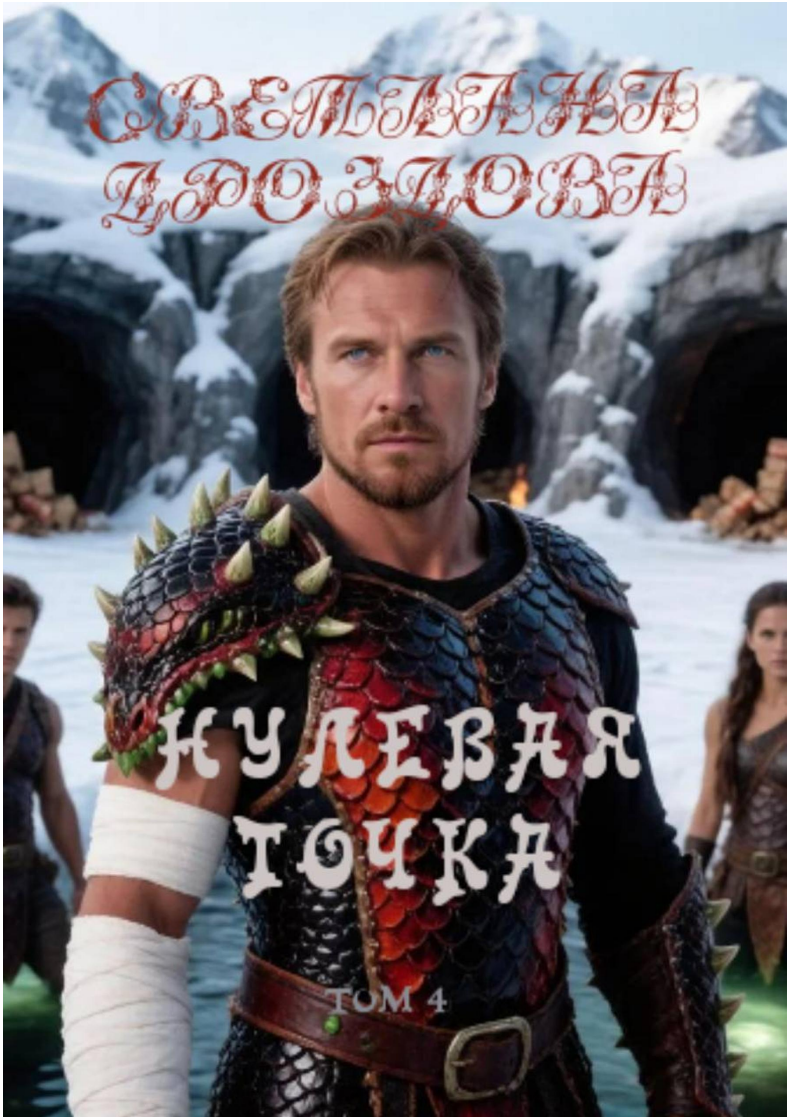
СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВА
НУЛЕВАЯ ТОЧКА
ТОМ 4

Светлана Дроздова
Нулевая точка. Том 4

https://litres.ru/74691582
SelfPub; 2026

Аннотация

После победы над Гидрой клан «Нулевых» сталкивается с новой реальностью: у них есть еда на месяц, трофейная броня и яд, но нет воды, боеприпасов, а счётчик интеграции Валета стремительно приближается к точке невозврата. Алекс, с переломанной рукой и растущей интеграцией, вынужден вести людей в горы — к старым шахтам, где, по слухам, есть вода и топливо.

В заснеженных ущельях их ждёт не только спасение, но и смерть: три пещеры становятся логовами троллей (уровни 16–20). Пока Кремень-младший заваливает входы взрывчаткой, а Волна и Лена держат фланги, Алекс и Шрам вырезают вожака в тесной засаде, используя шкуры Гидры как броню и её же яд как последний аргумент. Цена победы — третий осколок Гидры, который Валет тайно забирает со дна подземного озера, ускоряя собственное превращение.

Они возвращаются в форт с водой, двумя канистрами дизеля и тремя артефактами, но «Голос» — лидер новой фракции в чёрных масках — уже готовит штурм. Таймер сокращается до двух дней.

Светлана Дроздова
Нулевая точка. Том 4

ГЛАВА 59. ВЫМАНИВАНИЕ

Часть первая. Час перед рассветом

1.

Болото встретило их тишиной за час до рассвета.

Не той, мирной, которая бывает перед восходом солнца в лесу, где птицы начинают петь, а ветер стихает, предчувствуя тепло. Здесь тишина была больной, гнилой, беременной смертью. Она давила на барабанные перепонки, заставляла сердце биться чаще, а пальцы — бессознательно искать рукоять ножа, проверяя, не выпал ли он от напряжения. В Воронке тишина никогда не была добрым знаком. Тишина означала, что хищник рядом. Тишина означала, что опасность затаилась. Тишина означала, что смерть близко.

Отряд замер в ста метрах от лабораторного комплекса «Генезис». Алекс поднял руку — «стой». Пятнадцать человек замерли, как статуи, как изваяния, как часть этого гнилого, дышащего смертью пейзажа. Вода в болоте была чёр-

ной, маслянистой, пахнущей серой и железом. Она доходила до щиколоток, ледяная, обжигающая, заставляющая мышцы сводить судорогой. Туман клубился над поверхностью, как призрак, как дыхание огромного, спящего зверя, который вот-вот проснётся и сожрёт их всех.

Алекс стоял на кочке — единственном твёрдом месте в радиусе десяти метров. Правая рука — чёрная, замотанная в свежие бинты, которые Лайла наложила перед выходом — лежала на поясе, где обычно висел «Рассекатель». Сейчас клинок был в левой руке, наготове, на случай, если тварь вылезет раньше, чем они успеют подготовиться. Клинок пульсировал красным, чувствуя врага, чувствуя Нулевую энергию, которая наполняла болото, делала его живым, дышащим, голодным.

Интерфейс пульсировал перед глазами зелёным светом — спокойным, ровным, но тревожным.

```
[Время до окончания действия «Нейтрализатора»: 11 часов]
[Фоновое Нулевое загрязнение: 37% → 41% (рост)]
[Обнаружены биосигналы: 1 (Гидра), нестабильно]
[Рекомендация: соблюдать тишину. Не приближаться.]
```

Сорок один процент. Это было выше, чем в коллекторах, выше, чем в цитадели Барона, выше, чем в логове Угля. Алекс чувствовал, как Нулевая энергия давит на него, как она проникает сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости, находит отклик в осколке, который пульсировал в груди, как второе сердце. Она звала его. Она шептала: «Иди сюда. Стань частью меня. Мы — одно. Мы — сила. Мы — смерть».

Он выключил уведомление. Система не понимала. Система видела только цифры — шансы, проценты, риски. Она не знала, что выбора нет. Что если они не сделают это сегодня, завтра будет поздно. Что надежда — это не цифра. Надежду нельзя просчитать. Надежда — это когда ты идёшь в бой, зная, что шансов почти нет, но идёшь, потому что кто-то ждёт твоего возвращения. Кто-то смотрит на тебя снизу вверх и верит, что ты не подведёшь.

2.

Волна стояла рядом, сжимая в руке тушу Бегуна.

Мутант был убит на подходе к болотам — Клык подстрелил его из арбалета, когда тот выскочил из кустов, пытаясь атаковать. Тварь была размером с небольшую собаку, с длинными, тонкими лапами, покрытыми чёрной, блестящей че-

шуёй, и пастью, полной мелких, острых зубов. Внутренности вываливались из разорванного брюха, пахли кровью, желчью и той особенной, сладковатой гнилью, которая привлекает хищников за километры.

Туша была тяжёлой — килограммов тридцать, не меньше. Волна держала её за задние лапы, и кровь капала в чёрную воду, оставляя на поверхности маслянистые, алые разводы, похожие на улыбки утопленников. Запах был сильным — тошнотворным, дурманящим. Несколько новобранцев отвернулись, сдерживая рвотные позывы. Волна не обращала внимания. Она привыкла к запаху смерти. Он был её парфюмом.

— Ты готова? — спросил Алекс, глядя на Волну.

Её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который потерял всё, кроме оружия, и больше не боялся потерять жизнь. Волосы, короткие, тёмные, были зачёсаны назад, открывая высокий, бледный лоб с тонкими, почти незаметными морщинами. На шее — старый шрам, след от ножа, который она получила в первую неделю в Воронке, когда её муж был ещё жив, а дети — не умерли от голода. Она выглядела старше своих лет — Воронка старила всех, но охотников особенно. Каждая смерть, которую она видела, оставляла след. Каждая жизнь, которую она спасала, забирала часть

её самой.

Но в глазах — серых, холодных — была та особенная, хищная настороженность, которая бывает у одичалых охотников, когда они чувствуют добычу. Или смерть. Или и то, и другое одновременно. Волна не боялась Гидры. Она ненавидела её. Ненавидела за то, что та отняла у неё мужа, детей, клан. Ненавидела за то, что та была символом всего, что разрушило её жизнь. И эта ненависть делала её сильнее.

— Готова, — ответила Волна, и её голос был ровным, спокойным, как у человека, который принял свою судьбу. — Ждала этого момента неделю. С тех пор, как Валет вернулся без ноги. С тех пор, как ты сказал, что мы идём убивать Гидру. Я ждала. Каждую ночь я просыпалась и думала: «Сегодня? Сегодня мы пойдём?» И каждый день ты говорил: «Нет. Не сегодня. Не готовы». А теперь готовы. И я иду.

— Ты не должна умирать сегодня, — сказал Алекс, и его голос был тихим, почти шёпотом, как будто он боялся, что его услышат стены болота, которые и так знали все секреты. — Ты должна заманить её к отряду. Как только она вылезет — беги. Не оглядывайся. Не геройствуй. Беги.

— А если она догонит?

— Тогда стреляй в пасть. В мягкое нёбо. Туда, где нет брони. Валет сказал, что это единственное уязвимое место. Попадаешь — тварь дёргается, теряет секунду. Этой секунды хватит, чтобы добежать до нас.

Волна усмехнулась — криво, невесело, одними уголками губ. Усмешка была как шрам, как трещина, как ожог. Улыбка человека, который потерял всё, кроме ножа, и шёл в бой не ради победы, не ради мести, а ради того, чтобы не быть одной в темноте. Чтобы чувствовать рядом чужое дыхание, чужой страх, чужую надежду. Чтобы помнить, что она ещё жива.

— Я не буду стрелять, — сказала Волна. — Я буду бежать. Стрельба отвлекает. Замедляет. Я должна быть быстрой. А быстрее меня в болотах никого нет. Даже Валета. Даже тебя. Я выживу. Я всегда выживала.

Она развернулась и пошла вперёд, волоча за собой тушу Бегуна. Кровь оставляла за ней длинный, алый след, который растворялся в чёрной воде, превращаясь в бурые, зловонные разводы. След был широким, заметным — его можно было разглядеть даже в тумане, даже в темноте. Алекс смотрел, как она удаляется, и чувствовал, как что-то сжимается внутри. Не страх — ответственность. Он посылал её на смерть. Он посылал её, потому что не мог идти сам. Потому что если он умрёт, клан рухнет. Потому что его жизнь стоила больше,

чем её. Холодная, жестокая математика выживания.

3.

Шрам сидел на носилках, сжимая тесак. Его лицо было бледным — почти синим в тусклом свете аварийных ламп, которые Кремень-младший зажёг, чтобы осветить импровизированный лагерь. Повязка на груди промокла насквозь — кровь сочилась из раны, несмотря на антисептик и швы, которые Лайла наложила всего несколько часов назад. Но он не обращал внимания. Боль была его старым другом, который не покидал его уже много лет, с тех пор как он впервые взял в руки тесак и понял, что обратного пути нет.

Рядом с ним, в инвалидной коляске, сидел Валет. Коляску Кремень-младший приволок из лазарета — старую, ржавую, с подгоревшими шинами, но она ещё катилась. Валет был без сознания — Лайла вколола ему снотворное перед выходом, чтобы он не пытался идти сам, но организм отторгал препарат, и разведчик приходил в себя каждые полчаса, дёргаясь, пытаясь встать, пытаясь схватить «Когти», которые лежали у него на коленях, пульсируя в такт его сердцу.

Правая рука Валета была чёрной, пульсирующей, с металлическими накладками, которые срослись с плотью. Когти торчали из пальцев, как иглы, как клыки, как осколки Ну-

левого объекта. Кожа была чёрной, блестящей, с фиолетовыми прожилками — точно такая же, как у Алекса. Интеграция росла. Лайла сказала, что у него есть ещё два-три дня, прежде чем он перестанет быть собой. Два-три дня, чтобы найти лекарство. Или ампутировать руку. Или позволить ему умереть в бою.

Шрам посмотрел на Валета, и в его единственном глазу — коричневом, усталом, с красными прожилками — мелькнуло что-то, похожее на жалость. Жалость к человеку, который стал оружием. Который потерял ногу, руку, себя. Который умирал, но не сдавался.

— Ты живучий, как таракан, — прошептал Шрам. — Я думал, ты сдохнешь ещё в коллекторе. Потом — в цитадели Барона. Потом — на болотах. А ты всё жив. И умирать не собираешься.

Валет не ответил. Он был без сознания. Но «Когти» на его коленях пульсировали ярче, как будто артефакт слышал слова Шрама и соглашался с ними.

4.

Клык сидел на корточках в воде, перебирая арбалетные болты.

Их оставалось мало — двенадцать штук, из которых четыре были погнуты, а два — тупы. Он раскладывал их по кучкам: острые, тупые, погнутые. Каждый болт был шансом. Каждый шанс — жизнью. Он работал методично, без лишних движений, и его пальцы — толстые, с обломанными ногтями, покрытые старыми, побелевшими шрамами — двигались быстро, уверенно, как у человека, который делал это тысячи раз.

Сломанный мизинец был туго замотан тряпкой, и он старался не напрягать его лишний раз, но боль всё равно прорывалась — тупая, ноющая, пульсирующая в такт сердцу. Он не обращал внимания. Боль была его старым другом, который не покидал его уже много лет, с тех пор как он впервые взял в руки арбалет и понял, что обратного пути нет.

Рядом с ним сидел Тихий, прислонившись спиной к гнилому дереву. Он держал в руках гарпун — тяжёлый, с длинным, кованым древком и острым, как игла, наконечником, с зазубринами, которые должны были застрять в плоти и не дать щупальцу вырваться. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз, который видел столько смертей, что перестал бояться, и не боялся уже ничего, кроме тишины. Тишина для него была пыткой. Тишина означала, что что-то не так. Что опасность за-

таилась. Что смерть близко.

— Ты готов? — спросил Клык, не поднимая головы.

— Всегда готов, — ответил Тихий, и его голос был тихим, почти беззвучным, но Клык услышал.

— Никто не готов, — сказал Клык, пряча болты в поясную сумку. — Все только делают вид.

— Тогда я делаю вид хорошо.

Клык усмехнулся — сухо, безрадостно, одними уголками губ. Усмешка была как шрам, как трещина, как ожог.

— Ты — дурак, Тихий. Слишком тихий, чтобы быть умным. Слишком умный, чтобы быть тихим.

— Это комплимент?

— Это констатация факта.

5.

Кремень-младший стоял в стороне от всех, сжимая в руках баллон с пропаном. Баллон был тяжёлым — почти два-

дцать килограммов, с ржавым, потёртым корпусом и вентилем, который Шило починил накануне, заменив прокладку куском старой резины. Рядом, на самодельных носилках, лежали ещё два баллона — запасные, на случай, если первый не сработает или взорвётся преждевременно.

Кремень-младший был молод — девятнадцать лет, не больше, — но выглядел старше. Лицо его было бледным, с глубокими морщинами на лбу и чёрными кругами под глазами — следствие недосыпа и постоянного страха. Волосы, светлые, коротко стриженные, были грязными, пропитанными потом и копотью. На левой руке — свежая царапина, которую он получил, когда помогал отцу перед выходом. Отец лежал в лазарете, прикованный к койке, с пустыми глазами и сломанной волей. Кремень-младший не знал, выживет ли он. Он знал только, что должен вернуться. Должен увидеть отца. Должен сказать ему, что Гидра мертва. Что они победили. Что его жертва была не напрасной.

— Ты дрожишь, — сказал Гвоздь, подходя к нему.

Кремень-младший посмотрел на свои руки. Они дрожали — мелко, быстро, почти незаметно. Он сжал баллон так, что побелели костяшки пальцев. Дрожь не прекратилась.

— Не боюсь, — ответил Кремень-младший, и голос его

был ровным, спокойным, но Гвоздь слышал в нём напряжение. — Холодно просто.

— В болотах всегда холодно, — сказал Гвоздь, и его губы тронула тень усмешки. — Привыкай. Или не привыкай. У тебя есть ещё час. Может быть, два. Потом будет не до холода.

Он развернулся и пошёл к своей позиции, не оглядываясь.

6.

Лайла стояла у носилок, на которых лежали медикаменты и инструменты — всё, что она смогла взять с собой, понимая, что назад они вернутся не все, и те, кто вернутся, будут нуждаться в помощи. Бинты, йод, шприцы с обезболивающим и стимуляторами, кровоостанавливающие жгуты, скальпели, зажимы, иглы. Всё это было разложено на стерильной салфетке — единственной, которая осталась в запасах. Белая, чистая, почти святая в этой грязи.

Её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели. Она не спала уже больше суток — стимуляторы, которые она вкалывала себе каждые четыре часа, держали её на ногах, но цена была страшной: руки дрожали, голова кружилась, а сердце билось так часто, что казалось,

вот-вот выпрыгнет из груди. Волосы её, короткие, тёмные, были зачёсаны назад, открывая высокий, бледный лоб с тонкими, почти незаметными морщинами. Она выглядела старше своих лет — Воронка старила всех, но медиков особенно.

Она смотрела на Волну, которая уходила в туман, и шептала что-то, неслышное даже себе. Молитву? Заклинание? Просто слова, которые не имели смысла, но без которых она не могла. Ритуал. Единственное, что оставалось у человека, когда заканчивались слова.

— Вернись, — прошептала Лайла. — Вернись живой. Мы и так потеряли слишком многих.

Часть вторая. Зов Гидры

7.

Волна подошла к входу в лабораторный комплекс за десять минут.

Здание торчало из болота под странным, неестественным углом — когда-то оно стояло прямо, но годы, вода и Нулевая энергия исказили его, превратив в подобие гигантского, раздавленного монстра, который пытается выползти из трясины, но не может. Стены были покрыты чёрной, блестя-

щей плесенью, которая мерцала в темноте, как светлячки, как глаза смотрящих, как напоминание о том, что здесь, под землёй, в старых лабораториях, до сих пор жило нечто, не поддающееся классификации.

Окна были разбиты — стёкла давно выпали, и из тёмных проёмов тянуло сыростью, холодом и запахом гниющих водорослей, смешанным с запахом озона. Нулевая энергия, концентрированная, почти осязаемая, била в нос, заставляла глаза слезиться, а кожу — покрываться мурашками. Волна чувствовала, как она давит на неё, как проникает сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости, находит отклик в её собственной крови, в её собственном страхе.

Она остановилась у провала в стене, где когда-то были ворота. Прислушалась. Тишина. Только вода капала где-то глубоко внутри, только ветер завывал в разбитых окнах, только её собственное сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь в висках, в пальцах, в кончиках зубов.

Туша Бегуна была тяжёлой, но она держала её на плече, не опуская. Кровь текла по её куртке, по штанам, по сапогам, смешиваясь с болотной грязью. Запах стал сильнее — приторный, сладковатый, дурманящий. Волна чувствовала, как он обволакивает её, как проникает в лёгкие, в кровь, в мозг. Хищники любили этот запах. Он был для них сигна-

лом: «Еда здесь. Иди сюда. Ешь».

Она шагнула внутрь.

Коридор был узким, тёмным, с низким потолком, покрытым слоем чёрной, блестящей плесени. Влага проступала сквозь трещины, собиралась в капли, стекала по стенам, образуя чёрные, блестящие потёки, похожие на следы от слёз, которые плакали стены, оплакивая тех, кто никогда не выйдет на свет. Вода здесь была глубже — по колено, чёрная, маслянистая, с плавающими в ней обрывками ткани, осколками пластика и чем-то ещё, мягким, податливым, что нельзя было разглядеть в темноте, но можно было почувствовать ногами.

Волна шла медленно, ощупывая стену левой рукой. Правая держала тушу. Нож был заткнут за пояс — она решила, что если Гидра вылезет, она не будет драться, она будет бежать. Нож нужен был только на случай, если тварь преградит путь к выходу. Тогда она умрёт с оружием в руке. Глядя врагу в глаза. Это больше, чем могут сказать о многих.

Она дошла до конца коридора, свернула налево, потом направо. Коридор расширился, потолок поднялся. Впереди показался тусклый, зелёный свет — тот самый, который Валет описывал в своём отчёте. Свет реактора. Свет Нулевой энер-

гии. Свет Гидры.

8.

Реакторный зал был огромным — метров сто в диаметре, с высоким, бетонным потолком, который когда-то поддерживали железобетонные колонны. Теперь колонны стояли криво, треснувшие, некоторые рухнули, превратив зал в лабиринт из бетонных обломков и арматуры, торчащей в разные стороны, как кости гигантского, давно умершего зверя. В центре зала, там, где когда-то был защитный контур реактора, теперь зияла чёрная, пульсирующая дыра — остаток взрыва, который произошёл здесь десять лет назад, во время Вспышки. Из дыры тянуло жаром и зеленоватым, фосфоресцирующим светом — Нулевая энергия, которая всё ещё питала комплекс, делала его живым, дышащим, голодным.

Вокруг дыры, в чёрной, маслянистой воде, плавали обломки колонн, куски арматуры, остатки лабораторного оборудования и — кости. Много костей. Человеческих, звериных, неопознанных. Они торчали из воды, как рёбра гигантского, давно умершего зверя, который не может найти покой и гниёт вечно. Волна насчитала три черепа у края дыры — два человеческих, один неопознанный, с длинными, острыми зубами и выступающими надбровными дугами. Мутант. Или тот, кто им стал.

Волна замерла на пороге. Её сердце колотилось где-то в горле. Адреналин хлестал по венам, заставляя руки дрожать, а дыхание — сбиваться. Она сжала рукоять ножа так, что побелели костяшки пальцев. Нож был её последней надеждой. Её последним другом. Её последним словом.

— Выходи, — прошептала она, и её голос эхом разнёсся по залу, отражаясь от стен, возвращаясь искажённым, многократно усиленным. — Я знаю, что ты здесь. Я чувствую твой запах. Выходи, тварь.

Тишина. Только вода капала где-то далеко, только ветер завывал в разбитых окнах, только где-то глубоко, в чёрной дыре реактора, пульсировал зелёный свет — ровно, монотонно, как сердцебиение гигантского, механического зверя, который спит, но может проснуться в любой момент.

Волна сделала шаг вперёд. Вода захлюпала под ногами, звук показался оглушительным в этой тишине. Второй шаг. Третий. Она подошла к дыре на расстояние вытянутой руки, наклонилась, заглянула вниз.

Зелёный свет ослепил её на секунду — яркий, пульсирующий, живой. Она зажмурилась, отшатнулась, но не упала. И в этот момент вода в реакторном зале взорвалась.

9.

Щупальце вырвалось из дыры с нечеловеческой скоростью.

Оно было огромным — толщиной с человеческое тело, с круглой, зубастой пастью на конце, из которой капала слизь, оставляя на воде чёрные, дымящиеся круги. Пасть раскрылась, издавая звук, похожий на кошачий визг, многократно усиленный, многократно умноженный. Звук ударил по барабанным перепонкам, заставил Волну на секунду замереть, потерять ориентацию, забыть, где она, зачем она здесь, кто она.

Она отпрыгнула назад, упала на спину, больно ударившись копчиком о бетонный пол. Нож вылетел из руки, звякнул о камень, затерялся в темноте. Щупальце прошло в сантиметре от её лица — она почувствовала холод, слизь, запах гнили и смерти, смешанный с запахом озона и железа. Запах, который она запомнит навсегда, даже если выживет. Даже если умрёт.

Она перекатилась, вскочила на ноги. Второе щупальце вырвалось из дыры слева, третье — справа. Четвёртое и пятое — из-под воды, где Волна стояла секунду назад. Пять голов.

Пять пастей. Пять смертей, которые смотрели на неё с голодом, с нетерпением, с радостью.

Гидра вылезла из реактора.

Её тело было огромным — метров десять в диаметре, с чёрной, блестящей кожей, покрытой слизью и наростами брони, которые блестели в зелёном свете, как полированная сталь. Из центральной массы торчали щупальца — пять активных, мощных, извивающихся, и два маленьких, только начинающих формироваться, с недоразвитыми пастями, которые ещё не могли кусать, но уже тянулись к ней, к теплу, к жизни. Глаза — если их можно было назвать глазами — пульсировали зелёным светом, как реактор, который питал её. Они были пустыми, бездушными, но в них читался голод. Чистый, незамутнённый, животный голод, который не знает сытости, который будет жрать вечно, пока есть еда.

Волна стояла, глядя на Гидру снизу вверх, и в её глазах — серых, холодных — не было страха. Была ненависть. Чистая, незамутнённая, выжженная годами потерь. Ненависть к твари, которая отняла у неё мужа, детей, клан. Ненависть к твари, которая была символом всего, что разрушило её жизнь. Ненависть, которая делала её сильнее, быстрее, опаснее.

— Сюда, тварь, — прошептала она, и её голос был ров-

ным, спокойным, как у человека, который уже всё решил. — Иди сюда. Я здесь. Я — твоя смерть.

Она развернулась и побежала.

Часть третья. Бегство в темноте

10.

Волна бежала по коридору, не разбирая дороги, не думая о ловушках, не экономя силы.

Вода хлестала по колени, замедляла, цепляла за ноги, пыталась утянуть вниз, в чёрную, маслянистую жижу, из которой нет возврата. Ботинки скользили по мокрому бетону, она несколько раз падала, ударялась коленями, локтями, лицом, но каждый раз вскакивала и бежала дальше, не оглядываясь, не слушая, не думая.

Сердце колотилось где-то в горле, кровь стучала в висках, лёгкие горели от недостатка кислорода. Вкус металла во рту — кровь из разбитой губы, смешанная с болотной грязью. Она сплюнула, не останавливаясь.

Сзади раздался треск — щупальце Гидры пробило стену коридора, как нож бумагу, и вырвалось наружу, хватая воз-

дух зубастой пастью, перемалывая бетонную крошку в пыль. Волна свернула налево, прыгнула через груду битых кирпичей, перекатилась, вскочила. Щупальце ударило снова — рядом, так близко, что она почувствовала ветер на затылке, слизь на шее.

— Быстрее! — крикнула она себе, и голос её был хриплым, надтреснутым, как у человека, который бежит от смерти и знает, что смерть быстрее. — Быстрее, быстрее, быстрее!

Она выскочила из лабораторного комплекса через пролом в стене, там, где была разгрузочная площадка. Болото встретило её туманом, холодом и тишиной. Тишиной, которая была громче любого крика.

Волна побежала к отряду, петляя между корявыми, мёртвыми деревьями, перепрыгивая через кочки и промоины, уходя от щупалец, которые хлестали по воде позади неё, поднимая фонтаны грязи и слизи. Грязь летела в лицо, забивалась в глаза, в нос, в рот, заставляла кашлять и жмуриться. Но она не жмурилась. Она смотрела вперёд, на тусклые огни аварийных ламп, которые горели там, где ждал отряд.

Гидра вылезла из комплекса следом. Её тело было слишком большим, чтобы протиснуться в пролом — она застряла

на секунду, на две, на три, но броня сжималась, кости трещали, плоть сплющивалась, и она лезла, лезла, лезла, разрывая бетон, ломая арматуру, оставляя на стенах куски своей кожи и слизи. Звук был ужасным — скрежет металла, треск бетона, хруст костей, вой.

Гидра вырвалась наружу и бросилась в погоню.

11.

Алекс услышал шум за минуту до того, как Волна выбежала из тумана.

Сначала хлюпанье воды — быстрое, частое, как сердцебиение испуганного зверя. Потом крик — не слова, звук, тот самый звук, который рождается, когда страх превращается в ярость, когда отчаяние становится надеждой, когда смерть перестаёт быть концом.

— Она идёт! — крикнула Волна, выбегая к отряду. Её лицо было бледным, почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках. Глаза горели — не страхом, адреналином. Кровь текла из разбитой губы, смешиваясь с болотной грязью. На лбу — свежая царапина, из которой сочилась алая, яркая кровь. — Гидра! Она здесь! Готовьтесь!

Алекс поднял руку, сжал кулак — сигнал «приготовиться». Люди замерли, сжимая оружие. Клык натянул тетиву арбалета, прицелился в туман. Кремень-младший проверил баллоны с пропаном — три, полные, тяжёлые, готовые к подрыву. Тихий сжал гарпун, его лицо было спокойным, но пальцы дрожали.

Шрам сидел на носилках, сжимая тесак, и его единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками — смотрел в туман, туда, где за деревьями, в серой мгле, скрывалась смерть. Его дыхание было частым, поверхностным, с лёгким присвистом — рана давала о себе знать, но он не обращал внимания. Он ждал. Ждал, когда сможет ударить. Когда сможет умереть с честью.

Валет очнулся от шума. Его глаза — чёрные, пустые, с красными прожилками — открылись, и он посмотрел в туман. Правая рука дёрнулась, «Когти» выскользнули из пальцев с металлическим щелчком. Артефакт пульсировал — ярко, ослепительно, как чёрное солнце, как Нулевой объект, как сама смерть. Он требовал крови. Он требовал смерти. Он требовал контроля.

— Не сейчас, — прошептал Валет, и его голос был слабым, надтреснутым, но в нём слышалась та самая сталь, которая всегда была в нём, даже когда он умирал.

Артефакт не успокоился. Он бился в его руке, как пойманная птица, как бешеный пёс, как сама смерть, которая рвалась наружу, чтобы насытиться, чтобы успокоиться, чтобы заснуть снова. Валет сжал кулак, заставляя «Когти» подчиниться. Они подчинились. Но он знал: это временно. Как только начнётся бой, артефакт возьмёт управление на себя. И тогда он станет оружием. Не человеком.

12.

Гидра вышла из тумана медленно, величественно, как королева, которая пришла на казнь, но не знает, кто будет казнён — она или её палачи.

Её тело было огромным — метров пятнадцать в длину, с чёрной, блестящей кожей, покрытой слизью и наростами брони, которые блестели в тусклом свете, как полированная сталь. Щупальца извивались в воздухе, как черви, выброшенные из гнезда, как корни, которые ищут новую почву, как пальцы утопленника, хватающие соломинку. Пасти были открыты — пять кругов, полных зубов, из которых капала слизь и слюна, смешанная с кровью тех, кто был здесь до них. Запах был невыносимым — смесь сероводорода, аммиака и сладковатой гнили, которая вызывала тошноту, головокружение, желание бежать, не оглядываясь.

Интерфейс Алекса захлебнулся данными. Экран мигал красным, сыпал предупреждениями, пытался классифицировать то, что не поддавалось классификации.

```
[ОБНАРУЖЕНА БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА: ГИДРА]
[УРОВЕНЬ: 24]
[ОЗ: 800 (5 голов, каждая: 160)]
[БРОНЯ: ФИЗИЧЕСКИЙ УРОН -50%]
[РЕГЕНЕРАЦИЯ: 20 ОЗ/РАУНД/ГОЛОВА]
[СЛАБОСТИ: ОГОНЬ (останавливает регенерацию), КИСЛОТА]
[РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. УГРОЗА СМЕРТЕЛЬНА ДЛЯ ГРУППЫ.]
```

— Слишком поздно для отступления, — прошептал Алекс, отключая уведомление.

Он поднял руку, сжал кулак — сигнал «атака».

Часть четвёртая. Кровь и сталь

13.

Клык выстрелил первым.

Болт вошёл в пасть первой головы, в мягкое нёбо, в ту самую плоть, которую не защищала броня. Гидра дёрнулась, издала звук, похожий на кошачий визг, многократно усиленный, многократно умноженный. Звук ударил по ушам, заставил новобранцев зажать уши ладонями, скорчиться от боли. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом, смешанная со слизью и ошмётками плоти.

```
[УРОН: 15]
[ГОЛОВА 1: ОЗ 160 → 145]
```

Но тварь не умерла. Не отступила. Она рванулась вперёд, сметая всё на своём пути. Щупальца хлестнули по воде, поднимая фонтаны грязи и слизи, и бросились на отряд.

— Гарпуны! — крикнул Алекс.

Тихий, Гвоздь и Кремень-младший выстрелили из направляющих почти одновременно. Три гарпуна вонзились в щупальца — два в левые, один в правое, пришпилив их к земле, к деревьям, к бетонным обломкам. Зазубрины на наконечниках застряли в плоти, не давая вырваться. Гидра за-

билась, пытаясь освободиться, но гарпуны держали мёртво. Канаты, которыми они были привязаны к деревьям, натянулись, заскрипели, но не лопнули.

Клык выстрелил второй раз. Болт вошёл в глаз второй головы — маленькое, чёрное, пульсирующее око, которое лопнуло, забрызгав всё вокруг чёрной жидкостью. Гидра заорала — низко, глухо, так, что вода пошла рябью, а земля задрожала.

```
[УРОН: 18 (критический)]
[ГОЛОВА 2: ОЗ 160 → 142]
```

Третий выстрел. Четвёртый. Пятый. Болты входили в пасти, в глаза, в мягкие ткани, но Гидра регенерировала быстрее, чем они успевали перезаряжать.

```
[УРОН ЗА РАУНД: 65]
[РЕГЕНЕРАЦИЯ: 100 (5 голов × 20)]
[ЧИСТЫЙ УРОН: -35. ОЗ: 835]
```

— Твою мать, она лечится быстрее, чем мы стреляем! —

крикнул Клык, перезаряжая арбалет. Его пальцы скользили, болты падали в воду, он матерился, пытаясь поймать их, не уронить, не потерять.

— Это не надолго! — ответил Алекс, выхватывая «Рассекатель». — Огонь остановит регенерацию! Кремень, баллоны!

Кремень-младший подбежал к щупальцу, которое было пришпилено гарпуном, и привязал к нему баллон с пропаном. Баллон был тяжёлым, он едва тащил его по воде, но не остановился. Рыжий, который помогал ему, дрожал так сильно, что едва мог завязать узел, но справился. Его лицо было бледным, почти прозрачным, руки в крови — он порезался о ржавую арматуру, когда тащил баллон, но не заметил.

— Готово! — крикнул Кремень, отбегая.

— Поджигай!

Шило, который сидел в укрытии за грудой бетонных обломков, нажал на кнопку детонатора.

14.

Взрыв был оглушительным.

Пламя взметнулось вверх на десять метров, ослепляя, обжигая, сметая туман и тьму. Жар ударил в лицо, заставил всех зажмуриться, отшатнуться. Воздух стал горячим, сухим, пахнущим горелой плотью и озоном. Щупальце дёрнулось, забилось в агонии, оторвалось от тела, забрызгав всё вокруг чёрной кровью и слизью. Кровь шипела на горячем бетоне, испарялась, оставляя чёрные, оплавленные пятна.

Гидра закричала — не визгом, не рыком — низкочастотным, инфразвуковым гулом, который заставил кости вибрировать, а зубы — заныть от боли, а глаза — заслезиться. Звук, который не слышат ушами — его чувствуют телом, нутром, тем самым древним, животным страхом, который не поддаётся контролю.

```
[ГИДРА: ПОТЕРЯ ЩУПАЛЬЦА 1 (ЛЕВОЕ)]
[УРОН: 30 (взрыв) + 15 (огонь, блокировка регенерации на 2 раунда)]
[ОЗ: 790]
```

— Есть! — крикнул Кремень-младший, сжимая кулак. Его лицо было бледным, но глаза — карими, почти чёрными — горели. Он сделал это. Он помог. Он не был бесполезным.

Но Гидра не собиралась сдаваться.

Она рванулась вперёд, вырывая гарпуны из земли, разрывая плоть, оставляя на крючьях куски кожи и мышц. Два оставшихся щупальца хлестнули по отряду, сбивая людей с ног, разбрасывая их, как тряпичных кукол.

Клык упал, ударившись головой о бетон. Арбалет вылетел из рук, затерялся в темноте. Он попытался встать, но голова кружилась, мир плыл перед глазами, двоился, троился. Он слышал крики, но не мог понять, кто кричит.

Тихий отлетел к стене, врезался плечом, застонал, но встал. Его лицо было бледным, но глаза — чёрными, пустыми — горели. Он сжал гарпун, который остался у него в руках, и побежал к следующему щупальцу, чтобы пришпилить его, пока не поздно.

Гвоздь успел увернуться — щупальце прошло в сантиметре от его головы, и он рубанул по нему тесаком, отсекая кусок плоти, забрызгивая себя чёрной кровью. Кровь была горячей, липкой, она заливала глаза, рот, нос, мешала дышать.

Волна, которая уже была рядом после бегства из комплекса, подхватила арбалет Клыка, выстрелила в пасть третьей

головы. Болт вошёл в глаз, и голова дёрнулась, потеряв ориентацию на секунду, на две.

Алекс активировал «Рывк».

15.

Время замедлилось.

Мир стал вязким, как патока, как смола, как время в предсмертном сне, когда каждая секунда растягивается в вечность, когда ты видишь каждое движение врага, каждую каплю крови, каждую пылинку в воздухе. Алекс видел, как щупальца двигаются, как пасти раскрываются, как челюсти сжимаются. Видел, как Клык падает, как Тихий бежит, как Гвоздь рубит. Видел, как Лайла вкалывает стимулятор Валету, как Шрам поднимает тесак, как Волна стреляет.

Он бежал прямо на Гидру, уклоняясь от щупалец, которые хлестали по воде, поднимая фонтаны грязи и слизи. «Рассекатель» пульсировал в его руке красным, чувствуя врага, чувствуя кровь, чувствуя смерть.

Он подбежал к первой голове, которая была пришпилена гарпуном к земле, и рубанул по шее — наискось, от плеча до пояса. Клинок вошёл в плоть, как в масло, разрезая броню,

кожу, мышцы, хрящи. Кровь хлынула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом. Голова отделилась от тела и покатилась по воде, оставляя кровавый, чёрный след.

```
[УРОН: 45 (критический)]
[ГОЛОВА 1: УНИЧТОЖЕНА]
```

Вторая голова попыталась укусить его сбоку — он уклонился, упав на колено, и рубанул снизу вверх, в челюсть, в то место, где кожа была тонкой, почти прозрачной. Клинок вошёл в нёбо, в мозг, и голова замерла, дёрнулась, затихла.

```
[УРОН: 40]
[ГОЛОВА 2: ОЗ 142 → 102]
```

Третья голова ударила его в плечо — челюсти сомкнулись, прокусив броню, кожу, мышцы. Алекс закричал — не от боли, от ярости, — и, не вырываясь, ударил «Рассекателем» в глаз, в самое уязвимое место. Клинок вошёл глубоко, до рукояти, и голова разжала челюсти, забилась в агонии.

```
```

[АЛЕКС: ОЗ -30 (165 → 135)]
[УРОН: 50 (критический)]
[ГОЛОВА 3: ОЗ 160 → 110]
```

Четвёртая и пятая головы атаковали одновременно. Алекс не успел бы увернуться от обеих — он знал это. Видел, как они приближаются, как челюсти раскрываются, как зубы блестят в тусклом свете.

И в этот момент Валет вышел из темноты.

16.

«Когти Ворона» работали сами.

Артефакт взял управление на себя, и Валет перестал быть человеком — он стал оружием. Чистым, холодным, безжалостным. Время для него замедлилось ещё сильнее, чем для Алекса. Он видел каждую чешуйку на коже Гидры, каждую каплю слизи, каждый зуб в пасти.

Он двигался быстрее, чем любая тварь, быстрее, чем Гидра, быстрее, чем сама смерть. Коляска осталась позади — он вывалился из неё, упал на культю, закричал от боли, но «Когти» не слушали. Они вонзились в пасть четвёртой голо-
```

вы, разрывая её изнутри, выдирая куски плоти, перемалывая кости, превращая мозг в кровавую кашу.

Голова дёрнулась, замерла, отвалилась. Кровь хлынула на Валета, заливая лицо, руки, одежду. Он не чувствовал её. Он не чувствовал ничего, кроме голода артефакта.

```
[ВАЛЕТ (АВТОНОМИЯ): УРОН 80]
[ГОЛОВА 4: УНИЧТОЖЕНА]
[ВАЛЕТ: ОЗ 30 → 15]
```

Пятая голова попыталась укусить его в ответ — но «Когти» были быстрее. Они схватили челюсти, разорвали их в разные стороны, вырвали язык, глаза, всё, что было внутри. Голова замерла, дёрнулась, затихла.

```
[ВАЛЕТ (АВТОНОМИЯ): УРОН 75]
[ГОЛОВА 5: ОЗ 85 → 10]
```

Валет упал на колено. Кровь текла из его носа, из ушей, из глаз — артефакт высасывал его жизнь, превращая её в смерть врага. Правая рука пульсировала, чёрная, живая, го-

лодная. Лайла, которая была рядом, вколола ему стимулятор, вторая доза, третья, лишь бы он не умер, лишь бы «Когти» не высосали его до конца.

— Валет! — крикнула Лайла. — Отключи автономию!

Валет не ответил. Он не мог. Артефакт держал его горло, контролировал дыхание, сердце, волю.

17.

Алекс вскочил, игнорируя боль в плече, и побежал к пятой голове, добить, пока она не регенерировала. Кровь текла по его руке, по «Рассекателю», по воде. Он не чувствовал боли. Он чувствовал только ярость. Только ненависть. Только желание убить.

Он рубанул «Рассекателем» по шее — раз, второй, третий. Кровь хлестала, заливая лицо, руки, одежду. Голова отделилась от тела на третьем ударе и упала в воду, поднимая фонтан грязи и слизи.

```
[УРОН: 45]
[ГОЛОВА 5: УНИЧТОЖЕНА]
```

— Осталось две! — крикнул Клык, поднимаясь с земли. Он нашёл арбалет, перезарядил, выстрелил в остатки второй головы — та дёрнулась, но не умерла. Регенерация уже начинала работать, затягивая раны, восстанавливая утраченное.

```
[РЕГЕНЕРАЦИЯ: 40 (2 головы × 20)]
[ВТОРАЯ ГОЛОВА: ОЗ 102 → 122]
```

— Твою мать, она лечится! — крикнул Кремень-младший, подбегая к последнему баллону с пропаном. — Нужно подорвать реактор! Это единственный способ остановить регенерацию!

— Слишком далеко! — ответил Алекс, отбивая атаку щупальца. — Не успеем!

— Тогда я пойду один! — сказал Кремень-младший, и в его глазах — карих, почти чёрных — мелькнула та самая решимость, которая была у его отца, когда тот жертвовал собой в коллекторе.

Он схватил баллон, побежал к лабораторному комплексу, петляя между щупальцами, которые хлестали по воде, пыта-

ясь поймать его, раздавить, убить.

— Кремень! — крикнул Алекс, но Кремень-младший не обернулся. Он бежал, не разбирая дороги, не думая о ловушках, не экономя силы. Он бежал, потому что если он не сделает это — умрут другие. Все. До одного.

Часть пятая. Тишина перед бурей

18.

Гидра была ослаблена, но не мертва.

Две оставшиеся головы регенерировали, восстанавливая утраченное, наращивая новую плоть, новые зубы, новую броню. Щупальца извивались в агонии, но били всё так же сильно, всё так же смертоносно.

Отряд отступал к форту, унося раненых. Валета несли на самодельных носилках — он был без сознания, его правая рука пульсировала чёрным светом, как живое сердце, как второй, чужой организм, который боролся за контроль. Лайла шла рядом, вкалывая ему препараты, чтобы остановить интеграцию, хотя бы замедлить её. Её руки дрожали, игла несколько раз промахивалась мимо вены, оставляя синяки на руках Валета.

Шрама несли Клык и Тихий — он был бледен, почти прозрачен, его единственный глаз был закрыт, но тесак он не выпускал. Даже без сознания. Даже умирая. Пальцы его были белыми от напряжения, сжимающими рукоять так, что, казалось, кости вот-вот хрустнут.

Волна шла впереди, прокладывая путь. Её лицо было в крови — своей и чужой, — но глаза — серыми, холодными — смотрели вперёд, на огни форта, которые мерцали вдали, как звёзды, как маяки, как надежда.

Кремень-младший взорвал реактор. Взрыв был тихим — приглушённым толщей воды и бетона. Но земля под ногами дрогнула, стены лабораторного комплекса затрещали, потолок пошёл трещинами. Реактор взорвался, выплеснув наружу волну Нулевой энергии, которая прокатилась по болоту, сметая всё на своём пути.

```
[ГИДРА: РЕАКТОР УНИЧТОЖЕН. РЕГЕНЕРАЦИЯ ОСТАНОВЛЕНА. БРОНЯ ОСЛАБЛЕНА (-25%)]
[ОЗ: 70/800]
```

Она не умерла. Но она была ослаблена. Ранена. Голодна.

И она запомнила.

19.

Алекс шёл последним, прикрывая отход. Его правая рука пульсировала в такт сердцу, требуя крови, требуя смерти, требуя контроля.

«Нейтрализатор» кончался. Через несколько часов голос вернётся. Через несколько часов тьма начнёт шептать: «Дай мне. Я сделаю это быстрее. Я сделаю это чище. Я убью её за минуту. Отдайся мне».

— Не сейчас, — прошептал Алекс, сжимая кулак. — Сначала Гидра. Потом посмотрим.

Он оглянулся на лабораторный комплекс. Там, в тумане, слышался треск — щупальца Гидры перемалывали остатки бетона, восстанавливая разрушенное. Она была жива. Она была ранена, но жива. И она запомнила их запах. Она запомнила их страх. Она запомнила их боль.

И она вернётся.

20.

Лайла смотрела на Валета, который лежал на носилках, бледный, почти прозрачный, с чёрными, пульсирующими венами на правой руке. Артефакт не успокаивался. Он пульсировал в такт его сердцу, медленно, ритмично, как вторичное дыхание.

— Он умирает, — сказала Лайла, не глядя на Алекса.

— Я знаю, — ответил Алекс, и его голос был ровным, спокойным, но Лайла слышала за этим спокойствием сталь. Сталь, которая готова сломаться в любой момент. — Но он нужен нам живым. Даже без ноги. Даже с артефактной рукой. Даже если он больше никогда не сможет быть тенью.

— Он никогда не будет прежним, — сказала Лайла. — Ты это понимаешь?

— Я понимаю, что мы все никогда не будем прежними, — ответил Алекс. — Воронка меняет нас. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Вопрос только в том, насколько мы сможем сохранить себя. И что мы сможем оставить после себя.

Он подошёл к носилкам, посмотрел на Валета. На его бледное лицо, на его чёрную, пульсирующую руку, на его за-

крытые глаза. Он вспомнил, как Валет уходил в разведку к Барону. Как вернулся — сломанный, израненный, с пластиной в голове, с ядом в кармане, который не принял, потому что надеялся. Надеялся на них. На клан. На семью.

— Ты вернулся, — прошептал Алекс. — Ты всегда возвращаешься. Вернись и в этот раз. Мы ждём.

21.

Форт встретил их огнями и запахом дыма.

Ворота открылись с протяжным, ржавым скрипом — механизм не смазывали годами, и каждый поворот створок звучал похоронным маршем. Женщины и дети стояли у входа, сжимая в руках факелы, освещая путь раненым. Девочка с камнем стояла в первом ряду, сжимая свой талисман так сильно, что побелели костяшки пальцев. Её глаза — огромные, серые — смотрели на Алекса, и в них не было страха. Была надежда. Та самая надежда, которую он боялся разрушить.

Архивариус стоял у ворот, сжимая в руках планшет, и его лицо было бледным — почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках. Под глазами залегли глубокие, тёмные круги — он не спал уже больше суток, расшифровы-

вая файлы, готовя карты, анализируя риски.

— Потери? — спросил Архивариус, когда Алекс подошёл.

— Двое раненых. Рыжий и Гвоздь. Валет в критическом состоянии. Шрам без сознания. Кремень-младший жив? — Алекс повернулся к нему.

Кремень-младший стоял в стороне, прислонившись к стене. Его лицо было в копоти и крови, руки дрожали, но он был жив. Он был цел.

— Жив, — ответил Архивариус, и в его голосе впервые за долгое время мелькнуло что-то, похожее на облегчение. — Жив. Все живы. Не все, но живы.

— А Гидра?

— Ослаблена, — сказал Алекс. — Реактор взорван, регенерация остановлена. Три головы уничтожены, две — повреждены. ОЗ — около семидесяти. Она может восстановиться, если найдёт новый источник энергии. У нас есть день. Может быть, два. Потом мы пойдём добивать.

Архивариус кивнул. Он открыл планшет, начал вводить данные.

```
[ГИДРА: ОЗ 70/800, 2 ГОЛОВЫ, РЕГЕНЕРАЦИЯ ОСТАНОВЛЕНА, БРОНЯ ОСЛАБЛЕНА (-25%)]
[РЕСУРСЫ: ЕДА — НА 3 ДНЯ, ВОДА — НА 1 ДЕНЬ, БОЕПРИПАСЫ — ЗАКОНЧИЛИСЬ]
[СТАТУС КЛАНА: КРИТИЧЕСКИЙ]
```

— Три дня, — прочитал Алекс вслух. — Три дня, чтобы найти лекарство для Валета. Три дня, чтобы восстановиться. Три дня, чтобы убить Гидру.

— Или умереть, — добавил Архивариус.

— Или умереть, — согласился Алекс. — Но если мы умрём, мы умрём не как крысы в норе. Как воины. С оружием в руках. С именами на устах. Это больше, чем могут сказать о многих.

Он повернулся к форту, к дому, к надежде.

— Идём, — сказал Алекс. — Нас ждут.

```

[ИТОГ ГЛАВЫ 59: ВЫМАНИВАНИЕ]

[КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ]

• Волна заманивает Гидру из лабораторного комплекса «Генезис».
• Гидра выходит из болота — уровень 24, ОЗ 800, 5 голов, регенерация 20 ОЗ/раунд.
• Первая фаза боя: гарпуны фиксируют щупальца, арбалетчики наносят урон.
• Кремень-младший подрывает баллон с пропаном — уничтожено одно щупальце.
• Алекс вступает в ближний бой, уничтожает первую голову.
• Валет активирует боевую автономию «Когтей Ворона», уничтожает четвёртую голову и наносит критический урон пятой.
• Алекс добивает пятую голову.
• Кремень-младший прорывается в реакторный зал, подрывает реактор.
• Регенерация Гидры остановлена, броня ослаблена, ОЗ: 70/800.
• Отряд отступает к форту.

[ПОТЕРИ «НУЛЕВЫХ»]
```

• Рыжий: тяжёлое ранение (раздавлена нога), без сознания, жив.

• Гвоздь: ранение плеча (вывих, глубокая рваная рана).

• Клык: сотрясение, лёгкое ранение головы.

• Тихий: ушиб плеча.

• Волна: царапины, ушибы, истощение.

• Алекс: прокушено плечо (15 ОЗ, 135/280).

• Валет: критическая интеграция (58% → 67%), потеря сознания, ОЗ 15/180.

[ПОТЕРИ ВРАГА]

• Гидра: 3 головы уничтожено, 2 головы повреждены (ОЗ 122 и 10).

• Щупальца: 1 уничтожено, 2 повреждены.

• Реактор: взорван, регенерация остановлена на неопределённый срок.

[СОСТОЯНИЕ АЛЕКСА]

• Уровень: 16.

• Интеграция: 66% (под действием «Нейтрализатора»).

• ОЗ: 135/280.

• ОВ: 90/160.

• «Нейтрализатор»: осталось 8 часов.

• Статус: истощение, ранение плеча, моральное истощение.

[СОСТОЯНИЕ КЛАНА]

• Мораль: снижена (потери, перспектива новой атаки Гидры).
• Ресурсы: еда — на 3 дня, вода — на 1 день, боеприпасы — закончились.
• План: подготовка к решающей атаке (глава 60).
• Лечение раненых: Рыжий, Гвоздь, Клык, Валет.

[НОВЫЕ УГРОЗЫ]

• Гидра ослаблена, но не уничтожена (ОЗ 70/800, 2 головы активны, регенерация остановлена).
• Гидра может восстановиться, если найдёт новый источник Нулевой энергии.
• Интеграция Валета: 67% — критическая зона. Требуется ампутация правой руки или экстренное лечение.
• «Нейтрализатор» для Алекса заканчивается.
• «Третья сила» (Барон, «Голос») может воспользоваться ослаблением клана.

[БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ]

• Добить Гидру (глава 60).
• Лечить Валета (решение: ампутация или интеграция).
• Стабилизировать состояние клана после боя.
• Поиск ресурсов (еда, вода, боеприпасы).
• Подготовка к возможной атаке «третьей силы».
```

---

Конец главы 59.

ГЛАВА 60. ФАЗА 2: СЕТЬ И КРОВЬ

Часть первая. Час перед бурей

1.

Болото не могло успокоиться. Оно дышало, как раненый зверь, который забился в угол и ждёт, когда его добьют. Вода, ещё час назад чёрная и неподвижная, теперь ходила мелкими кругами — будто под поверхностью, в глубине, кто-то огромный ворочался, перебирая мышцами, проверяя, всё ли на месте, всё ли готово к новой схватке.

Отряд перегруппировался в ста метрах от лабораторного комплекса «Генезис». Здесь, на единственной более-менее
```

сухой возвышенности — груде бетонных обломков, когда-то бывших частью внешней стены, — они могли перевести дух, пересчитать раненых и принять последнее решение. Туман клубился вокруг, серый, живой, пахнущий гнилью и озоном. Вдалеке, из пролома в здании, всё ещё сочился тусклый, зелёный свет — не реактора, который взорвался, а самой Гидры, её тела, которое фосфоресцировало в темноте, как гнилое дерево.

Алекс стоял на краю возвышенности, сжимая «Рассекатель» в левой руке. Правая висела вдоль тела — чёрная, замотанная в бинты, которые насквозь пропитались болотной водой и кровью, своей и чужой. Плечо болело тупой, ноющей болью — старая рана от укуса Гидры давала о себе знать, но он не обращал внимания. Интерфейс пульсировал перед глазами, отсчитывая время, которое таяло, как вода сквозь пальцы.

```
[«Нейтрализатор»: осталось 4 часа 32 минуты]
[Гидра: ОЗ 70/800, 2 активные головы, регенерация заблокирована (взрыв реактора), броня -25%]
[Слабость: огонь, прямое попадание в основание головы]
[Рекомендация: немедленная атака. Через 3 часа регенерация восстановится.]
```

— Через три часа она снова начнёт лечиться, — сказал Алекс, не оборачиваясь. Голос его был ровным, спокойным, как у человека, который уже всё решил. — Если мы не убьём её сейчас, через три дня у нас не будет шансов. Она восстановит все пять голов. Мы потеряем Валета. Мы потеряем форт. Мы потеряем всё.

Позади него, на носилках, сбитых из досок и арматуры, лежал Валет. Он был в сознании — если это можно было назвать сознанием. Его глаза были открыты, но смотрели в пустоту, в серое, низкое небо, которое ничем не отличалось от того, что было у них над головами неделю, месяц, год назад. Правая рука — чёрная, пульсирующая, сросшаяся с «Когтями Ворона» — лежала поверх грязного, пропитанного кровью одеяла. Артефакт не пульсировал, нет — он дышал. Ровно, медленно, как сердце спящего хищника.

```
[Валет: интеграция 68% → 70%]
[«Когти Ворона»: боевая автономия 96%]
[Прогноз: полная потеря личности через 4-6 часов без экстренной ампутации]
```

Лайла сидела рядом, положив голову на колени. Её ли-

цо было бледным, почти прозрачным, под глазами залегли чёрные круги — она не спала уже больше суток, работая без остановки, вкалывая стимуляторы себе и раненым, молясь, чтобы бинтов хватило, чтобы антибиотики не кончились, чтобы те, кто ещё мог дышать, не перестали дышать. Волосы её, короткие, тёмные, прилипли ко лбу от пота и болотной влаги. Руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую она не могла остановить, потому что организм требовал отдыха, а она не могла себе его позволить.

— У него осталось четыре часа, — сказала Лайла, не поднимая головы. — Четыре часа, прежде чем «Когти» сожрут его разум окончательно. Если мы не хотим потом убивать его сами — нужно решение сейчас. Ампутация выше локтя. Или...

— Или что? — спросил Клык, сидевший на обломке колонны. Он перебирал болты — последние, оставшиеся в сумке. Острых было три. Остальные — погнуты, тупы, бесполезны. Он раскладывал их на колене, как игрок раскладывает карты перед последней ставкой. Пальцы его дрожали — не от страха, от напряжения.

— Или мы позволим ему стать монстром, — ответила Лайла, и в её голосе зазвучала горечь, которую нельзя было скрыть. — Таким же, как Пророк. Как Хан. Как тот, кого мы

боимся. И тогда нам придётся убивать его в бою. Потому что он не сдастся. Валет не сдаётся.

Шрам, лежавший на соседних носилках, открыл глаза. Его единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками — смотрел на Алекса с той особенной, тяжёлой решимостью, которая бывает у людей, которые уже всё решили для себя. Повязка на груди промокла насквозь — кровь сочилась из раны, несмотря на швы и антисептик. Но он не обращал внимания.

— Я иду с тобой, — сказал Шрам, и голос его был слабым, надтреснутым, но в нём слышалась та самая сталь, которую нельзя согнуть, нельзя сломать, нельзя расплавить.

— Ты не можешь, — ответил Алекс, не оборачиваясь. — Ты едва стоишь. Ты умрёшь.

— Я умру в бою, — Шрам попытался приподняться на локтях, но рухнул обратно, застонав от боли. — С тесаком в руке. Глядя врагу в глаза. Это больше, чем могут сказать о многих. Я проиграл Барону. Я не хочу проиграть второй раз. Не тебе.

Алекс повернулся. Посмотрел на Шрама долгим, тяжёлым взглядом. Вспомнил, как тот сражался у ворот форта, как

упал, как не сдался. Вспомнил, как Купол учил его: «Солдаты не воюют за идеи. Солдаты воюют друг за друга. Если ты бросишь товарища, он бросит тебя. Если ты умрёшь за него, он умрёт за тебя».

— Хорошо, — сказал Алекс. — Ты идёшь с нами. Но если ты упадёшь — мы не понесём тебя. Ты останешься там. С грязью и водой. Понял?

— Понял, — ответил Шрам, сжимая тесак. — Не впервой.

Кремень-младший сидел в стороне, прислонившись спиной к бетонной плите. Он перевязывал руку — не себе, отцу, который лежал рядом, без сознания, с пустыми глазами и ровным, спокойным дыханием. Кремень-старший не приходил в себя уже третьи сутки — с тех пор, как завал в коллекторе похоронил его, но не убил. Лайла сказала, что он жив. Что мозг не повреждён. Что он может очнуться. Но когда — никто не знал.

— Мы идём, — сказал Кремень-младший, поднимаясь. Его лицо было бледным, но глаза — карими, почти чёрными — горели. — Я несу баллон. Рыжий — второй. Если мы не подорвём реактор — у нас нет шансов.

Рыжий, сидевший на земле, поднял голову. Его лицо бы-

ло бледным, почти прозрачным, руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую он не мог остановить. Он был новобранцем. Он никогда не был в таком аду. Но он кивнул. Потому что если он не пойдёт — умрут другие.

— Я готов, — сказал Рыжий, и голос его не дрогнул.

Волна стояла чуть в стороне от всех, сжимая свой зазубренный нож. Её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который потерял всё, кроме оружия, и больше не боялся потерять жизнь. Волосы её, короткие, тёмные, были зачёсаны назад, открывая высокий, бледный лоб с тонкими, почти незаметными морщинами. На шее — старый шрам, след от ножа, который она получила в первую неделю в Воронке, когда её муж был ещё жив, а дети — не умерли от голода.

— Я прикрою с фланга, — сказала Волна, и голос её был ровным, спокойным, как у человека, который принял свою судьбу. — Если щупальца попытаются обойти вас — я их задержу.

— Ты не должна умирать сегодня, — сказал Алекс, глядя на неё.

— Сегодня я не умру, — ответила Волна, и её губы тро-

нула тень усмешки. — Я ещё не отомстила.

2.

Архивариус вышел на связь через рацию — голос его тонул в помехах, но слова были разборчивы.

«...Гидра\... она ослаблена\... но не настолько, чтобы вы могли пройти без потерь... Я насчитал ещё два щупальца, которые вы не заметили\... они прячутся под водой\... будьте осторожны...»

— Два щупальца под водой, — повторил Алекс. — Она умнее, чем мы думали. Прячет оружие, пока не прижмёт к стене.

— Твари всегда умнее, чем кажутся, — сказал Шрам, сжимая тесак. — Потому что они думают только одним — как сожрать тебя. И не отвлекаются на глупости вроде совести или страха.

— У нас есть совесть? — спросил Клык, пряча последние болты в сумку.

— У нас есть страх, — ответил Шрам. — Это единственное, что нас спасает.

Алекс поднял руку. Все замолчали.

— Через десять минут мы идём в логово. Клык, Тихий, Гвоздь — вы с гарпунами. Ваша задача — пришпилить щупальца, не дать им маневрировать. Волна, Шрам — вы прикрываете фланги. Кремень-младший, Рыжий — вы с баллонами. Я и Валет — в центре. Если Валет не сможет идти — мы несём его. Если он начнёт терять контроль — вы отходите. Я остаюсь.

— А если ты начнёшь терять контроль? — спросила Лайла, и её голос дрогнул.

Алекс посмотрел на неё. На её бледное лицо, на её голубые, почти прозрачные глаза, на её руки, которые сжимали медицинский модуль так, что побелели костяшки пальцев. Она боялась. Не за себя — за него. За всех. За тех, кто не вернётся.

— Тогда стреляйте, — ответил Алекс. — В меня. И в него. Не сразу. Медленно. Чтобы другие видели. Это не угроза — это обещание.

Он развернулся и пошёл к лаборатории. Отряд двинулся за ним.

Часть вторая. Логово

3.

Коридор встретил их тишиной. Не той, мирной, которая бывает перед рассветом в лесу, где птицы начинают петь, а ветер стихает, предчувствуя тепло. Здесь тишина была больной, гнилой, беременной смертью. Она давила на барабанные перепонки, заставляла сердце биться чаще, а пальцы — бессознательно искать рукоять ножа, проверяя, не выпал ли он от напряжения.

Вода здесь была глубже — по колено, чёрная, маслянистая, с плавающими в ней обрывками ткани, осколками пластика и чем-то ещё, мягким, податливым, что нельзя было разглядеть в темноте, но можно было почувствовать ногами. Алекс шёл первым, держа фонарь в левой руке. Правая — чёрная, замотанная в бинты — висела плетью, и он чувствовал, как когти царапают ткань изнутри, как вены пульсируют в такт его сердцу. Интерфейс показывал уровень загрязнения: 41%.

Рядом с ним, на носилках, которые несли Тихий и Гвоздь, лежал Валет. Его глаза были открыты, но смотрели в потолок — бетонный, серый, с трещинами, из которых сочилась во-

да, собиралась в капли, срывалась вниз с мерным, гипнотическим звуком. Кап. Кап. Кап. Как секундная стрелка часов, отсчитывающих время до смерти.

— Валет, — позвал Алекс, не оборачиваясь. — Ты слышишь меня?

Валет не ответил. Но его правая рука дёрнулась — слабо, едва заметно, и «Когти» выскользнули из пальцев на миллиметр, блеснув в свете фонаря чёрным, маслянистым металлом.

```
[«Когти Ворона»: боевая автономия 97%]
[Носитель: критическое состояние]
[Рекомендация: немедленная ампутация]
```

— Он слышит, — сказала Лайла, идущая в конце колонны. — Артефакт не даёт ему потерять сознание. Он заставляет его страдать. Заставляет бороться. Потому что борьба — это топливо. Кровь — это топливо. Боль — это топливо.

— Тогда пусть борется, — ответил Алекс. — Он не первый раз умирает. И не первый раз возвращается.

4.

Реакторный зал был огромным — метров сто в диаметре, с высоким, бетонным потолком, который когда-то поддерживали железобетонные колонны. Теперь колонны стояли криво, треснувшие, некоторые рухнули, превратив зал в лабиринт из бетонных обломков и арматуры, торчащей в разные стороны, как кости гигантского, давно умершего зверя.

В центре зала, там, где когда-то был защитный контур реактора, теперь зияла чёрная, дымящаяся дыра — остаток взрыва, который Кремень-младший устроил час назад. Взрыв был приглушённым, но мощным — ударная волна прошла по залу, поднимая воду, сметая обломки, разбрасывая их, как тряпичные куклы. Реактор погас. Зелёный свет исчез. Осталась только тьма и пульсирующее, живое свечение тела Гидры.

Она была там. В центре зала. Её тело — огромное, метров пятнадцать в длину, с чёрной, блестящей кожей, покрытой слизью и наростами брони — лежало в воде, как кит, выброшенный на берег. Щупальца извивались в агонии — пять активных, из которых три были повреждены, и два маленьких, только начинающих формироваться, с недоразвитыми пастями, которые ещё не могли кусать, но уже тянулись к ним, к теплу, к жизни.

Две головы остались активными. Они были повреждены — одна потеряла глаз, у другой была разорвана челюсть, — но они смотрели на них. Смотрели с голодом, с ненавистью, с памятью. Гидра запомнила их. Она запомнила их запах, их страх, их боль. И она хотела больше.

```
[Гидра: ОЗ 70/800]
[Активные головы: 2 (ОЗ 40 и 30)]
[Регенерация: заблокирована (взрыв реактора), восстановится через 2 часа 30 минут]
[Броня: -25%]
```

— Она ранена, — сказал Алекс, поднимая «Рассекатель». — Но не мертва. И не сдастся. Будьте готовы.

— Мы готовы, — ответил Клык, натягивая тетиву арбалета.

— Тогда начинаем.

5.

Первыми ударили гарпуны.

Тихий, Гвоздь и Клык выстрелили почти одновременно. Три гарпуна вонзились в щупальца Гидры — два в левые, один в правое, пришпилив их к полу, к колоннам, к бетонным обломкам. Зазубрины на наконечниках застряли в плоти, не давая вырваться. Гидра забилась, пытаясь освободиться, но гарпуны держали мёртво. Канаты, которыми они были привязаны к колоннам, натянулись, заскрипели, но не лопнули.

— Есть! — крикнул Тихий, натягивая канат.

— Не расслабляйтесь, — ответил Клык, перезаряжая арбалет. — Это только начало.

Волна и Шрам пошли по флангам. Волна двигалась быстро, бесшумно, как хищник, который чувствует добычу. Её нож блестел в тусклом свете, и она вонзила его в щупальце, которое попыталось обойти отряд с тыла. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом. Щупальце дёрнулось, забилось, но не отступило.

Шрам двигался медленно, опираясь на тесак, как на посох. Его лицо было бледным, почти синим, но единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками — горел. Он не ждал. Он атаковал.

Он подошёл к щупальцу, которое было пришпилено гарпуном, и рубанул по нему тесаком — раз, второй, третий. Кровь хлестала, заливая его лицо, руки, одежду. Щупальце отделилось от тела на третьем ударе и упало в воду, поднимая фонтан грязи и слизи.

```
[Урон: 30]
[Гидра: потеря щупальца 2 (левое)]
[ОЗ: 70 → 60]
```

— Одно готово! — крикнул Шрам, вытирая лицо рукавом.

— Не отвлекайся! — ответил Алекс.

Гидра атаковала.

6.

Две головы бросились на Алекса одновременно.

Он не успел бы увернуться от обеих — он знал это. Видел, как они приближаются, как челюсти раскрываются, как зубы

блестят в тусклом свете. Он активировал «Рывок» — и мир замедлился. Время стало вязким, как патока, как смола, как время в предсмертном сне, когда каждая секунда растягивается в вечность.

Он увидел, как первая голова — та, что потеряла глаз, — целится ему в грудь. Он отпрыгнул влево, и челюсти сомкнулись в воздухе, в сантиметре от его плеча. Он услышал, как зубы клацнули, и этот звук эхом разнёсся по залу, отражаясь от стен, возвращаясь искажённым, многократно усиленным.

Вторая голова — та, у которой была разорвана челюсть, — ударила снизу. Алекс не успел отпрыгнуть — челюсти сомкнулись на его правом плече, том самом, которое уже было прокушено в прошлом бою. Боль вспыхнула, как огонь, как кислота, как сама Нулевая энергия, текущая по его венам.

```
[Алекс: ОЗ 135 → 80]
[Плечо: разорваны мышцы, повреждена ключица]
[Статус: кровотечение, потеря крови 2% в минуту]
```

— А-а-а! — закричал Алекс, и его крик эхом разнёсся по залу, отражаясь от стен, возвращаясь искажённым, многократно усиленным.

Он не вырывался. Он ударил. «Рассекатель» вошёл в глаз второй головы — в ту самую пульсирующую, чёрную точку, которую Валет описал в своём отчёте.

```
[Урон: 45 (критический)]
[Голова 2: ОЗ 30 → 0]
```

Голова дёрнулась, разжала челюсти, забилась в агонии и замерла. Кровь хлынула из глазницы — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом. Алекс упал на колено, прижимая руку к плечу. Кровь текла сквозь пальцы, смешиваясь с болотной водой, превращаясь в бурые, зловонные разводы.

— Алекс! — крикнула Лайла из укрытия.

— Не подходи! — ответил Алекс, поднимаясь. — Я в порядке.

Он не был в порядке. Но он должен был стоять. Если он упадёт, упадут они. Все. До одного.

7.

Первая голова — та, что потеряла глаз, — снова атаковала. Но на этот раз Алекс был готов.

Он отпрыгнул назад, уходя от челюстей, и рубанул «Рассекателем» по шее — наискось, от плеча до пояса. Клинок вошёл в плоть, как в масло, разрезая броню, кожу, мышцы, хрящи. Кровь хлынула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом.

```
[Урон: 35]
[Голова 1: ОЗ 40 → 5]
```

Голова дёрнулась, забилась в агонии, но не отступила. Она ударила снова — вслепую, наугад, но Алекс успел уклониться. Он упал на спину, больно ударившись копчиком о бетонный пол, и челюсти прошли в сантиметре от его лица.

— Шрам! — крикнул Алекс. — Добивай!

Шрам, который был рядом, поднял тесак и обрушил его на шею головы. Лезвие вошло глубоко — до самой середины. Кровь брызнула на его лицо, на руки, на одежду. Он ударил второй раз, третий.

```
[Урон: 40]
[Голова 1: ОЗ 5 → 0]
```

Голова отделилась от тела и упала в воду, поднимая фонтан грязи и слизи. Шрам упал на колено, тяжело дыша. Его лицо было бледным, почти прозрачным, но глаза — горели.

— Есть, — прошептал он. — Есть!

— Не расслабляйся, — ответил Алекс, поднимаясь. — Осталось ещё две.

8.

Но Гидра не собиралась сдаваться.

Из темноты, из-под воды, вырвались два щупальца, которые прятались там всё это время. Они были тоньше, чем те, что они видели раньше, — новые, только начинающие формироваться, — но они были. И они были голодны.

Они ударили одновременно. Первое щупальце обвило ногу Шрама, дёрнуло, сбивая его с ног. Шрам упал на спину, ударившись головой о бетон. Тесак вылетел из рук, затерял-

ся в темноте.

Второе щупальце бросилось на Алекса. Он уклонился, рубанул «Рассекателем» — и отрубил его конец. Кровь хлынула, щупальце дёрнулось, забилось, но не отступило. Оно обвило его правую руку — чёрную, пульсирующую, голодную — и сжало.

```
[Алекс: ОЗ 80 → 65]
[Правая рука: сдавлена, потеря чувствительности]
```

Алекс закричал — не от боли, от ярости. Он ударил «Рассекателем» снова, в основание щупальца, и отрубил его. Кровь хлынула, как из ведра, заливая его лицо, руки, одежду.

— Шрам! — крикнул Алекс. — Вставай!

Шрам не ответил. Он лежал на спине, глядя в потолок пустыми глазами. Кровь текла из раны на голове — неглубокой, но опасной. Он терял сознание.

— Чёрт, — прошептал Алекс.

9.

И в этот момент Валет встал.

Он встал с носилок, волоча культю по воде. Его лицо было бледным, почти прозрачным, с чёрными, пульсирующими венами на висках. Правая рука — чёрная, пульсирующая, сросшаяся с «Когтями» — светилась в темноте, как маяк, как предупреждение, как обещание.

```
[«Когти Ворона»: боевая автономия 99%]
[Валет: интеграция 70%]
[Статус: критический. Носитель теряет контроль.]
```

Он не сказал ни слова. Он просто пошёл. Культя стучала по бетону, оставляя кровавый след. «Когти» выскользнули из пальцев с металлическим щелчком — длинные, чёрные, пульсирующие. Артефакт взял управление на себя.

— Валет, стой! — крикнула Лайла из укрытия. — Ты умрёшь!

Валет не обернулся.

— Я умру не здесь, — ответил он, и голос его был чужим

— механическим, искажённым, как у робота, который пытается изобразить человеческую речь, но не может.

Он прыгнул.

10.

Он прыгнул на последнюю голову Гидры — ту, что осталась, ту, что смотрела на него пустыми, голодными глазами. «Когти» вошли в основание головы, в то самое место, где броня была тоньше всего, в то самое место, которое Валет запомнил ещё в первую встречу.

```
[Урон: 70 (артефакт, игнорирует броню)]
[Голова 1: ОЗ 40 → 0]
```

Кровь хлынула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом. Гидра закричала — низко, глухо, так, что вода пошла рябью, а земля задрожала. Её тело дёрнулось в последний раз, и последняя голова замерла.

Но Валет не отпускал.

«Когти» вгрызались в плоть, высасывая Нулевую энергию,

превращая её в топливо, в жизнь, в смерть. Валет чувствовал, как артефакт высасывает его самого — его кровь, его память, его душу. Его глаза стали пустыми — абсолютно пустыми, как у смотрящего. Его лицо застыло в маске боли, которая уже не имела значения.

— Валет! — крикнул Алекс, бросаясь к нему. — Отпусти! Она мертва!

Валет не ответил.

Гидра дёрнулась в последний раз и ударила его щупальцем — тем, что осталось, тем, что ещё могло двигаться. Удар пришёлся в грудь, и Валет отлетел к стене, ударившись спиной о бетон. Тело его обмякло, глаза закрылись. Он упал в воду лицом вниз.

— Валет! — закричала Лайла, выбегая из укрытия.

Она подбежала к нему, перевернула на спину. Его лицо было бледным, почти белым, как полотно, как мел, как лицо мертвеца, который ещё не понял, что мёртв. «Когти» на правой руке больше не пульсировали. Они были спокойны. Сыты. Довольны.

```
```

[Валет: ОЗ 30 → 0]
[«Когти Ворона»: боевая автономия 100% → 0%]
[Статус: клиническая смерть]
[Интеграция: 70% (стабилизирована)]
```

— Нет! — закричала Лайла. — Нет, нет, нет!

Она начала делать непрямой массаж сердца. Стимуляторы. Адреналин прямо в сердце. Она работала, не обращая внимания на грязь, на воду, на кровь. Её руки дрожали, но она не останавливалась.

Секунда. Десять. Тридцать.

Валет не дышал.

— Пожалуйста, — прошептала Лайла. — Пожалуйста, не умирай. Не здесь. Не так. Ты обещал вернуться. Ты всегда возвращаешься.

И в этот момент он вдохнул.

## Часть третья. Отступление

### 11.
```

Лайла сидела на коленях в воде, прижимая Валета к себе. Он дышал — часто, поверхностно, с лёгким присвистом. Его глаза были закрыты, но лицо больше не было белым — появился слабый, едва заметный румянец. Жизнь возвращалась. Медленно. Неохотно. Но возвращалась.

— Он жив, — сказала Лайла, и её голос дрогнул — впервые за долгое время, впервые с тех пор, как она стала главным медиком клана. — Он жив.

— Уходим, — сказал Алекс, подходя к ней. — Быстро. Пока она не восстановилась.

— Она мертва, — сказал Клык, подходя к телу Гидры. — Головы отрублены. Щупальца оторваны. Реактор взорван. Она мертва.

Алекс покачал головой.

— Посмотри на её тело, — сказал он. — Оно не разлагается. Оно дышит. Она жива. Просто спит.

Клык посмотрел. Тело Гидры было огромным, чёрным, пульсирующим. Кровь из отрубленных шей текла, но не так, как должна течь из мёртвого тела. Она текла ритмично, как

будто сердце всё ещё работало. Как будто она просто ждала.

```
[Гидра: ОЗ 60/800]
[Регенерация: восстановится через 2 часа]
[Новые головы: формируются (3 шт.)]
```

— Твою мать, — прошептал Клык. — Она жива.

— Поэтому мы уходим, — сказал Алекс. — Сейчас. Не оглядываясь.

12.

Отход был медленным и мучительным.

Кремень-младший и Тихий несли Валета на носилках. Лайла шла рядом, вкалывая ему стимуляторы, проверяя пульс, молясь, чтобы он не остановился снова. Рыжий тащил запасной баллон, который не пригодился, и его лицо было бледным, но глаза — серыми, почти прозрачными — горели. Он сделал это. Он не сбежал. Он был не трусом.

Шрама несли Клык и Волна. Он был без сознания, но тесак не выпускал. Даже без сознания. Даже умирая. Пальцы

его были белыми от напряжения, сжимающими рукоять так, что, казалось, кости вот-вот хрустнут.

Гвоздь шёл впереди, прокладывая путь. Его лицо было в крови — своей и чужой, — но глаза — чёрными, пустыми — смотрели вперёд, на серую мглу болота, на огни форта, которые мерцали вдали, как звёзды, как маяки, как надежда.

Алекс шёл последним, прикрывая отход. Его правая рука висела плетью — вывихнутое плечо, перелом ключицы, разорванные мышцы. «Рассекатель» он держал в левой, и клинок пульсировал красным, чувствуя врага, чувствуя кровь, чувствуя смерть.

```
[Алекс: ОЗ 65/280]
[«Нейтрализатор»: осталось 2 часа]
[Статус: истощение, потеря крови, перелом ключицы]
```

— Держись, — прошептал он, обращаясь к Валету, к Шраму, к тем, кто не мог идти сам. — Держитесь. Мы почти дома.

13.

Группа «Голоса» встретила их на подходе к форту.

Они стояли на вершине холма — десять человек в чёрной броне, с арбалетами в руках и масками на лицах. В центре — высокий, худой человек в чёрном плаще, с лицом, скрытым маской из чёрного, блестящего пластика, с голубоватыми прожилками, которые пульсировали в такт его дыханию. «Голос».

— Алекс, — сказал он, и его голос был усилен динамиками, встроенными в маску, и звучал механически, неестественно, как у робота, который пытается изобразить человеческую речь, но не может. — Мы встретились снова.

Алекс остановился. Отряд замер за его спиной.

— Уйди с дороги, — сказал Алекс, и голос его был ровным, спокойным, но в нём слышалась сталь, которую нельзя согнуть, нельзя сломать.

— Ты убил моего зверя, — сказал «Голос», и в его голосе зазвучала усмешка. — Хорошо. Ты ослабил себя. Ещё лучше. Теперь моя очередь. Отдай «Рассекатель». Отдай Осколок Гидры. Отдай девочку с камнем. И я, возможно, оставлю кого-то из вас в живых.

— Попробуй, — ответил Алекс, поднимая «Рассекатель».

«Голос» поднял руку. Солдаты подняли арбалеты.

И в этот момент из-за спин отряда выбежала девочка с камнем.

14.

Она была маленькой — лет десяти, не больше, — в грязной, рваной одежде, босая, с растрёпанными волосами. В руке она сжимала свой камень — гладкий, тёплый, с едва заметными царапинами. А на лбу у неё пульсировала чёрная метка — остаточная энергия Пророка, которая не рассеялась, а, казалось, питалась страхом и надеждой.

— Девочка! — крикнул Алекс. — Назад!

Она не слушала. Она смотрела на «Голоса», и её глаза — огромные, серые — горели. Она не боялась. Она ненавидела.

— Ты лжёшь, — сказала она, и её голос был громким, звонким, недетским. — Ты боишься. Я вижу. Твоё сердце колотится. Твои руки дрожат. Ты знаешь, что если нападёшь сейчас — умрёшь. Потому что он сильнее. Потому что они сильнее. Потому что мы — «Нулевые». А «Нулевые» не сда-

ются.

И в этот момент чёрная метка на её лбу вспыхнула.

Свет был ослепительным — фиолетово-чёрным, пульсирующим, живым. Он вырвался из её лба, как луч, как молния, как сама Нулевая энергия, и ударил в солдат «Голоса». Они замерли, схватившись за головы, закричали, упали на колени. Их интерфейсы мигали красным, сыпали предупреждениями, сходили с ума.

«Голос» замер. Его маска пульсировала — тускло, медленно, как сердцебиение. Он смотрел на девочку, и в его пустых, чёрных глазницах не было ничего — только удивление. И страх.

— Что это? — прошептал он. — Что это, чёрт возьми?

— Это надежда, — ответил Алекс.

Он поднял «Рассекатель» над головой — клинок пульсировал красным, смешиваясь с фиолетово-чёрным светом, который исходил от девочки, создавая причудливые, пульсирующие узоры, похожие на северное сияние, на кровь, на саму смерть.

— Уходи, — сказал Алекс. — Пока я не передумал.

«Голос» смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом махнул рукой. Солдаты поднялись, подобрали арбалеты, отступили в туман.

— Ты умрёшь, Алекс, — сказал «Голос», исчезая в серой мгле. — Не сегодня. Не завтра. Но ты умрёшь. И твоя вера умрёт вместе с тобой.

— Посмотрим, — ответил Алекс.

15.

Форт встретил их огнями и запахом дыма.

Ворота открылись с протяжным, ржавым скрипом — механизм не смазывали годами, и каждый поворот створок звучал похоронным маршем. Женщины и дети стояли у входа, сжимая в руках факелы, освещая путь раненым.

Архивариус стоял у ворот, сжимая в руках планшет, и его лицо было бледным — почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках. Под глазами залегли глубокие, тёмные круги — он не спал уже больше суток, расшифровывая файлы, готовя карты, анализируя риски.

— Потери? — спросил Архивариус, когда Алекс подошёл.

— Все живы, — ответил Алекс. — Почти все. Валет в критическом состоянии. Шрам без сознания. Рыжий, Гвоздь, Кремень-младший — ранены. Но живы.

Архивариус кивнул. Он открыл планшет, начал вводить данные.

```
[Потери «Нулевых»: 0 убитых, 6 тяжелораненых, 4 легкораненых]
[Гидра: ОЗ 60/800, регенерация восстановится через 2 часа]
[«Голос»: отступил]
[Ресурсы: еда — на 2 дня, вода — на 1 день, боеприпасы — закончились]
```

— Мы победили? — спросил Архивариус, и его голос дрогнул.

— Нет, — ответил Алекс, глядя на юг, туда, где в серой мгле болот пряталось логово Гидры. — Мы просто отложили. На день. На два. Потом она восстановится. И вернётся.

И мы должны быть готовы.

Он повернулся к форту, к дому, к надежде.

— Но сегодня мы выжили, — сказал Алекс. — Это уже победа.

Часть четвёртая. Ночь после бури

16.

Лазарет был забит до отказа.

В тесном, сыром помещении, где когда-то хранились инструменты, а потом — боеприпасы, теперь лежали раненые. Шесть тяжелораненых, четыре легкораненых. Воздух был спёртым, тяжёлым, пахнущим йодом, кровью и той особенной, сладковатой гнилью, которая появляется, когда раны начинают воспаляться, а антибиотиков не хватает.

Валет лежал на койке в дальнем углу, бледный, почти прозрачный, с чёрными, пульсирующими венами на правой руке. «Когти» больше не пульсировали. Они были спокойны. Сыты. Довольны. Лайла сидела рядом, сжимая его руку — левую, здоровую, ещё человеческую. Её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели.

— Он будет жить? — спросил Алекс, стоя в дверях.

— Не знаю, — ответила Лайла, не поднимая головы. — Артефакт насытился и затих. Интеграция остановилась на семидесяти процентах. Если он выживет — он останется собой. Если нет — он умрёт. Или станет монстром. Я не знаю. Никто не знает.

— А если ампутировать руку?

— Поздно, — Лайла покачала головой. — «Когти» срослись с костями, с нервами, с кровеносной системой. Если отрезать руку, он умрёт от потери крови за минуту. Или от болевого шока. Или от того, что артефакт начнёт высасывать его заживо. Мы опоздали.

Алекс подошёл к койке, посмотрел на Валета. На его бледное лицо, на его чёрную, пульсирующую руку, на его закрытые глаза. Вспомнил, как Валет уходил в разведку к Барону. Как вернулся — сломанный, израненный, с пластиной в голове, с ядом в кармане, который не принял, потому что надеялся. Надеялся на них. На клан. На семью.

— Ты вернулся, — прошептал Алекс. — Ты всегда возвращаешься. Вернись и в этот раз. Мы ждём.

17.

Шрам лежал на соседней койке, бледный, почти прозрачный, с чёрными прожилками под глазами и губами, потрескавшимися от напряжения. Его единственный глаз был закрыт, но тесак он не выпускал. Даже без сознания. Даже умирая.

— Он будет жить? — спросил Алекс у Лайлы.

— Да, — ответила Лайла. — Ему повезло. Удар был неглубоким. Кости целы. Через неделю встанет. Через две — будет драться.

— Хорошо, — сказал Алекс.

Он подошёл к окну, посмотрел на пустошь. Ночь была чёрной, беззвёздной, и только ветер выл в стенах, завывал в пустых оконных проёмах, бросал в лицо мелкий, колючий пепел.

Где-то там, на юге, в болотах, Гидра шевелилась во сне.

Она восстанавливалась. Она регенерировала. Она ждала.

— Ты не убил её, — сказала девочка с камнем, подходя к нему.

Она стояла рядом, сжимая в руке свой гладкий, тёплый талисман. Её глаза — огромные, серые — смотрели на Алекса снизу вверх, и в них не было страха. Была надежда. Та самая надежда, которую он боялся разрушить.

— Нет, — ответил Алекс. — Я не смог.

— Но она боится, — сказала девочка. — Я чувствую. Она не вернётся.

— Вернётся, — ответил Алекс. — Но не сейчас. Сейчас у нас есть день. Два. Три. Чтобы зализать раны. Чтобы подготовиться. Чтобы найти лекарство для Валета. Чтобы встретить её, когда она придёт.

— А если мы не успеем?

Алекс посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Вспомнил, как она выбежала к «Голосу». Как её чёрная метка вспыхнула. Как она спасла их всех.

— Тогда мы умрём, — ответил Алекс. — Но умрём не как крысы в норе. Как воины. С оружием в руках. С именами на

устах.

Он протянул руку — левую, здоровую. Девочка сжала её своими маленькими, холодными пальчиками.

— Ты не умрёшь, — сказала она. — Я не позволю.

Алекс усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ.

— Договорились, — ответил он.

18.

Глубоко под землёй, в нижних уровнях лабораторного комплекса «Генезис», Гидра сворачивалась в клубок в тёплых водах старого коллектора.

Её последняя голова была жива — ранена, ослаблена, но жива. Из культей росли новые отростки — маленькие, розовые, пульсирующие. Через день они станут новыми щупальцами. Через два — новыми головами. Через три — Гидра станет сильнее, чем была.

Она ждала. Она всегда ждала. Терпение было её главным оружием.

И она помнила.

Она помнила запах Алекса. Она помнила запах Шрама. Она помнила запах Валета. Она помнила запах девочки с камнем.

Она помнила их всех.

И она хотела больше.

ИТОГ ГЛАВЫ 60: ФАЗА 2 — СЕТЬ И КРОВЬ

```
[КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ]

• Алекс проводит финальную подготовку к штурму логова Гидры.
• Отряд входит в лабораторный комплекс «Генезис».
• Тяжёлый бой с двумя последними головами Гидры.
• Алекс уничтожает одну голову, получает тяжёлое ранение плеча.
• Шрам добивает вторую голову, теряет сознание.
• Обнаружены два скрытых щупальца Гидры, которые ата-
```

куют отряд.

• Валет в критическом состоянии активирует боевую автономию «Когтей Ворона», уничтожает последнюю голову Гидры ценой клинической смерти.

• Лайла реанимирует Валета (2 минуты клинической смерти).

• Гидра остаётся жива (60 ОЗ, регенерация восстановится через 2 часа).

• Отряд отступает к форту.

• На подходе к форту отряд встречает «Голоса» с отрядом.

• Девочка с камнем проявляет способность генерировать пси-импульс через чёрную метку, дезориентирует солдат «Голоса».

• «Голос» отступает.

• Отряд возвращается в форт. Начало лечения раненых.

[ПОТЕРИ «НУЛЕВЫХ»]

• Валет: клиническая смерть (2 минуты), интеграция 70%, без сознания.

• Шрам: тяжело ранен (голова), без сознания.

• Алекс: перелом ключицы, вывих плеча, разорваны мышцы правой руки, потеря крови.

• Кремень-младший: сломаны 3 ребра.

• Рыжий: истощение, царапины.

• Гвоздь: ранение плеча.

• Боеприпасы: закончились.

[СОСТОЯНИЕ ВРАГА]

• Гидра: ОЗ 60/800, регенерация восстановится через 2 часа. 3 новые головы формируются.
• «Голос»: отступил, но не уничтожен.

[СОСТОЯНИЕ КЛАНА]

• Мораль: низкая, но девочка с камнем поддерживает надежду.
• Ресурсы: еда — на 2 дня, вода — на 1 день, боеприпасы — закончились.
• Лечение раненых: 6 тяжелораненых, 4 легкораненых.
• «Нейтрализатор» Алекса: осталось 2 часа.

[НОВЫЕ УГРОЗЫ]

• Гидра восстановится через 2-3 дня.
• «Голос» готовит новую атаку на ослабленный форт.
• Интеграция Валета: 70% — черта невозврата.
• «Нейтрализатор» Алекса заканчивается.

[РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ]

• Алекс: принятие неизбежности, переход от лидера-воина к лидеру-стратегу.

• Валет: символическая смерть и возвращение. Артефакт затих, интеграция остановлена.

• Девочка с камнем: от символа к активному участнику. Её вера становится осязаемой силой.

• Шрам: доказывает, что даже раненый может изменить ход боя.

[ЗАДЕЛ НА ГЛАВУ 61]

• «Голос» готовит операцию «Чистилище» против форта.

• Алекс должен найти способ защитить форт без боеприпасов.

• Лечение Валета: поиск способа снизить интеграцию.

• Девочка с камнем видит пророческий сон о том, что Гидра — не единственная угроза.

• Поиск союзников среди бывших «Ткачей» и нейтральных кланов.

```

---

Конец главы 60.

ГЛАВА 61. ФАЗА 3: МЕТОДИЧНОЕ ОТРУБАНИЕ ГО-
```

ЛОВ

Часть первая. Час перед последним боем

1.

Запах был первым. Не тем, острым, бьющим в ноздри запахом крови, который Алекс привык чувствовать после каждого боя, — другим. Тяжёлым, маслянистым, сладковато-приторным, как цветы, которые цветут только над братскими могилами, впитывая в себя разлагающуюся плоть и превращая её в свою красоту. Запах Гидры. Запах смерти, которая не торопится, потому что знает: жертва никуда не денется.

Алекс стоял на возвышенности в ста метрах от лабораторного комплекса «Генезис» и смотрел на чёрный провал входа. Туман клубился вокруг, серый, живой, дышащий в такт его сердцу. Правая рука висела плетью — перебитая ключица, разорванные мышцы, сломанная рука, которую Лайла перетянула жгутом, чтобы остановить кровотечение. Он не чувствовал пальцев. Он не чувствовал кисти. Он чувствовал только тупую, пульсирующую боль, которая поднималась к плечу, к шее, к затылку, смешиваясь с гулом системы.

Интерфейс пульсировал перед глазами зелёным светом —

спокойным, ровным, но тревожным, как предупреждение, которое ты не можешь проигнорировать, потому что оно написано твоей собственной кровью.

```
[«Нейтрализатор»: осталось 45 минут]
[ОЗ: 65/280]
[Правая рука: перелом ключицы, разрыв связок, потеря чувствительности]
[Интеграция: 66% → 67% (стресс, потеря крови)]
[Рекомендация: немедленная эвакуация. Боеспособность критически низка.]
```

Сорок пять минут. Максимум час, если система ошибётся в расчётах. Потом голос вернётся. Вернётся тьма, которая будет шептать: «Дай мне контроль. Я сделаю это быстрее. Я сделаю это чище. Я убью её за минуту. Отдайся мне. Это не больно. Это просто освобождение».

Алекс сжал «Рассекатель» в левой руке. Клинок был холодным, но под пальцами уже начинала пульсировать знакомая, живая теплота. Оружие чувствовало его напряжение, его страх, его готовность. Оно было живым — как осколок в его груди, как чёрная, мёртвая рука, которая больше не слушалась, но всё ещё пульсировала в такт чужому сердцу.

Он не ответил системе. Слова были лишними.

2.

Позади него, на носилках, сбитых из досок и арматуры, лежал Валет. Его лицо было бледным — почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках и чёрными, запёкшимися пятнами крови на щеках. Глаза были открыты, но смотрели в серое, низкое небо, которое ничем не отличалось от того, что было у них над головами неделю, месяц, год назад. Он не спал. Он не был без сознания. Он был где-то между — в той серой зоне, где артефакт затих, насытившись кровью Гидры, но где сам носитель ещё не решил, хочет ли он возвращаться.

Правая рука Валета — чёрная, пульсирующая, сросшаяся с «Когтями Ворона» — лежала поверх грязного, пропитанного кровью одеяла. Артефакт не пульсировал. Нет — он дышал. Ровно, медленно, как сердце спящего хищника, который наелся и теперь переваривает добычу, растягивая удовольствие на часы, на дни, на вечность.

Лайла сидела рядом, положив голову на колени. Её лицо было бледным, почти прозрачным, под глазами залегли чёрные круги — она не спала уже больше суток, работая

без остановки, вкалывая стимуляторы себе и раненым, молясь, чтобы бинтов хватило, чтобы антибиотики не кончились, чтобы те, кто ещё мог дышать, не перестали дышать. Волосы её, короткие, тёмные, прилипли ко лбу от пота и болотной влаги. Руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую она не могла остановить, потому что организм требовал отдыха, а она не могла себе его позволить.

— Он слышит? — спросил Алекс, не оборачиваясь.

— Не знаю, — ответила Лайла, и её голос был тихим, хриплым, как у человека, который слишком долго молчал и забыл, как звучит его собственная речь. — «Когти» затихли. Но он... он ушёл внутрь. Туда, где артефакт не достанет. Или где артефакт уже всё решил за него. Я не знаю. Я ничего не знаю.

— Он вернётся, — сказал Алекс. — Ему нужно только время.

— У нас нет времени, — ответила Лайла, и в её голосе зазвучала горечь, которую нельзя было скрыть. — У нас есть сорок пять минут. Потом твой «Нейтрализатор» кончится. Потом Гидра восстановится. Потом «Голос» нападёт. Потом все умрут.

— Сначала Гидра, — сказал Алекс. — Потом «Голос». Потом посмотрим.

3.

Шрам сидел на бетонном обломке в трёх метрах от Алекса. Его лицо было бледным — почти синим в тусклом свете аварийных ламп, которые Кремень-младший зажёг, чтобы осветить импровизированный лагерь. Повязка на груди промокла насквозь — кровь сочилась из раны, несмотря на антисептик и швы, которые Лайла наложила всего несколько часов назад. Рассечённая бровь запеклась, превратившись в чёрную, блестящую корку, под которой кожа пульсировала в такт сердцу. Сотрясение. Не сильное, но достаточно, чтобы мир иногда плыл перед единственным глазом, двоился, троился, превращаясь в калейдоскоп боли и усталости.

Но он не обращал внимания. Боль была его старым другом, который не покидал его уже много лет, с тех пор как он впервые взял в руки тесак и понял, что обратного пути нет. Он сжимал тесак так, что побелели костяшки пальцев, и его единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками — смотрел на юг, туда, где в серой мгле болот пряталось логово Гидры.

— Ты не должен идти, — сказал Алекс, глядя на Шрама.

— Ты едва стоишь. Ты умрёшь.

— Я умру в бою, — ответил Шрам, и его голос был слабым, надтреснутым, но в нём слышалась та самая сталь, которую нельзя согнуть, нельзя сломать, нельзя расплавить. — С тесаком в руке. Глядя врагу в глаза. Это больше, чем могут сказать о многих. Я проиграл Барону. Я не хочу проиграть второй раз. Не тебе. Не Гидре. Не себе.

— Ты проиграешь, если умрёшь, — сказал Алекс. — А если выживешь — победишь.

— Слишком поздно для философии, — Шрам усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ. — Мы идём убивать. Или умирать. Третьего не дано.

4.

Волна стояла чуть в стороне от всех, сжимая свой зазубренный нож. Её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который потерял всё, кроме оружия, и больше не боялся потерять жизнь. Волосы её, короткие, тёмные, были зачёсаны назад, открывая высокий, бледный лоб с тонкими, почти незаметными морщинами. На шее — старый шрам, след от ножа, который она получила в первую неделю в Воронке, когда её муж был ещё жив, а дети — не умерли от

голода.

Она не смотрела на Алекса. Она смотрела на комплекс, на чёрный провал входа, на туман, который клубился вокруг, как живой, как дышащий, как голодный. Она чувствовала Гидру. Она чувствовала её запах, её дыхание, её терпение. И она ненавидела её. Ненавидела за то, что та отняла у неё мужа, детей, клан. Ненавидела за то, что та была символом всего, что разрушило её жизнь. Ненавидела за то, что она не могла убить её одна.

— Я пойду первой, — сказала Волна, и её голос был ровным, спокойным, как у человека, который принял свою судьбу. — Вы будете прикрывать.

— Нет, — ответил Алекс. — Я пойду первым. Твоя задача — прикрывать фланги. Если щупальца попытаются обойти — ты их задержишь. Не убить — задержать.

— Я не умею задерживать, — ответила Волна. — Я умею убивать.

— Тогда убей, — сказал Алекс. — Но только тех, кто попытается обойти нас сзади.

Волна кивнула. Коротко, сухо. Она развернулась и отошла

к своей позиции, не оглядываясь.

5.

Кремень-младший сидел на земле, прислонившись спиной к бетонной плите. Его лицо было бледным, но глаза — карими, почти чёрными — горели. Левая рука была перетянута жгутом выше локтя — сломана, кости смещены, сухожилия повреждены. Лайла сказала, что если он будет нагружать руку, он потеряет её. Но Кремень-младший не слушал. Он сжимал в правой руке зажигалку — старую, довоенную, с выцветшей эмблемой, которую когда-то подарил ему отец.

Рядом с ним лежали два баллона с пропаном. Тяжёлые, ржавые, с потёртыми корпусами и вентилями, которые Шило починил накануне, заменив прокладки кусками старой резины. Один баллон был полным — на двадцать литров газа, хватит, чтобы поджарить Гидру или взорвать себя вместе с ней. Второй — наполовину пустым, но с ним можно было хотя бы ослепить тварь, направив струю газа в морду.

— Ты готов? — спросил Рыжий, сидевший рядом.

Рыжий был новобранцем. Ему было семнадцать, может быть, восемнадцать — никто не знал точно, потому что в Воронке дни рождения не празднуют, а возраст считают по

шрамам и потерям. Его лицо было бледным, почти прозрачным, руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую он не мог остановить, потому что его организм требовал отдыха, а мозг — тишины. Но он не сбежал. Он не бросил оружие. Он сидел рядом с Кремнем-младшим и сжимал в руке второй баллон, готовый бежать, поджигать, умирать.

— Готов, — ответил Кремень-младший, и его голос не дрогнул.

— Ты врёшь, — сказал Рыжий. — Никто не готов.

— Тогда я делаю вид хорошо, — усмехнулся Кремень-младший.

6.

Клык стоял на возвышении у входа в комплекс, перебирая арбалетные болты в последний раз. Их оставалось четыре. Острых — два. Тупых — один. Погнутых — один. Он раскладывал их на колене, как игрок раскладывает карты перед последней ставкой. Пальцы его дрожали — не от страха, от напряжения.

Сломанный мизинец был туго замотан тряпкой, и он старался не напрягать его лишний раз, но боль всё равно про-

рывалась — тупая, ноющая, пульсирующая в такт сердцу. Он не обращал внимания. Боль была его старым другом, который не покидал его уже много лет, с тех пор как он впервые взял в руки арбалет и понял, что обратного пути нет.

— Последние, — сказал Тихий, стоявший рядом.

Тихий был молчаливым, коренастым, с тяжёлой челюстью и бычьей шеей. Его лицо было бледным, но глаза — серыми, живыми — смотрели на Клыка с любопытством. Он не боялся. Или боялся, но не показывал. В руках он сжимал гарпун — тяжёлый, с длинным, кованым древком и острым, как игла, наконечником, с зазубринами, которые должны были застрять в плоти и не дать щупальцу вырваться.

— Последние, — повторил Клык, пряча болты в поясную сумку. — Четыре выстрела. Четыре жизни. Если промахнёмся — не будет второго шанса.

— Не промахнёмся, — сказал Тихий. — Не сегодня.

Гвоздь стоял в трёх метрах от них, прислонившись плечом к бетонной колонне. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз, который видел столько смертей, что перестал бояться, и не боялся уже ничего, кроме тишины. Тишина для него была пыт-

кой. Тишина означала, что что-то не так. Что опасность затаилась. Что смерть близко.

Но сейчас не было тишины. Был ветер, были крики птиц где-то далеко, был стук его собственного сердца — ровный, спокойный, как у человека, который уже всё решил. В руках он сжимал второй гарпун — полегче, с более коротким древком, для ближнего боя. На поясе — тесак, на случай, если гарпун не поможет.

— Пора, — сказал Гвоздь, отталкиваясь от колонны.

7.

Девочка с камнем стояла в стороне от всех, спрятавшись за грудой бетонных обломков. Она знала, что Алекс запретил ей идти. Она знала, что Лайла будет кричать, если увидит её. Она знала, что Шрам прикажет вернуться в форт. Но она всё равно пришла. Потому что если она не придёт — они умрут. Потому что она чувствовала. Она всегда чувствовала.

Её глаза — огромные, серые — смотрели на комплекс, на чёрный провал входа, на туман, который клубился вокруг, как живой, как дышащий, как голодный. На лбу пульсировала чёрная метка — остаточная энергия Пророка, которая не рассеялась, а, казалось, питалась страхом и надеждой, стра-

хом и верой, страхом и любовью.

Она сжимала в руке свой камень — гладкий, тёплый, с едва заметными царапинами. И стальной зуб, который дал ей Алекс. Два амулета. Две памяти. Две надежды.

— Я не буду мешать, — прошептала она. — Я просто буду рядом. На случай, если понадоблюсь.

Лайла, которая готовила аптечку рядом, подняла голову и посмотрела на девочку. В её глазах — голубых, почти прозрачных — была не только усталость, но и что-то другое. Страх? Жалость? Любовь?

— Ты не должна быть здесь, — сказала Лайла. — Ты ребёнок.

— В Воронке нет детей, — ответила девочка, и её голос не дрогнул. — Есть только выжившие. И я — выжившая.

Лайла хотела возразить, но не стала. Она знала, что спорить бесполезно. Девочка была такой же упрямой, как Алекс, как Шрам, как все, кто однажды решил, что умирать — не вариант, а если и умирать, то с честью, с оружием, с именами на устах.

8.

Алекс поднял руку. Все замолчали. Ветер завыл в стенах, затих. Даже птицы — те редкие, выжившие в радиоактивном небе — замолчали, чувствуя, что сейчас произойдёт что-то важное. Что-то, что изменит их мир. Навсегда.

— У нас есть двадцать минут, — сказал Алекс, и его голос разнёсся по лагерю, отражаясь от бетонных обломков, возвращаясь эхом, многократно усиленный. — Двадцать минут, чтобы отрубить ей головы. Не убить — отрубить. Мы не можем убить её сейчас. Реактор взорван, регенерация замедлена, но она жива. Она восстановится. Через три дня у нас не будет шансов. Поэтому сегодня мы сделаем так, чтобы у неё не было голов. Ни одной. Чтобы она ползла к нам слепой, беззубой, беспомощной.

Он замолчал. Ветер завыл снова, но теперь тише, словно боясь прервать его. Люди смотрели на него — кто с надеждой, кто со страхом, кто с ненавистью. Но все смотрели. Потому что он был их лидером. Их надеждой. Их смертью.

— Мы идём убивать, — сказал Алекс. — Это единственное, что мы умеем.

Он повернулся к комплексу, поднял «Рассекатель» над го-

ловой. Клинок пульсировал красным, как уголь, как кровь, как сама смерть.

— Вперёд.

Отряд двинулся в темноту.

Часть вторая. Логово

9.

Коридор встретил их тишиной. Не той, мирной, которая бывает перед рассветом в лесу, где птицы начинают петь, а ветер стихает, предчувствуя тепло. Здесь тишина была больной, гнилой, беременной смертью. Она давила на барабанные перепонки, заставляла сердце биться чаще, а пальцы — бессознательно искать рукоять ножа, проверяя, не выпал ли он от напряжения.

Вода здесь была глубже — по колено, чёрная, маслянистая, с плавающими в ней обрывками ткани, осколками пластика и чем-то ещё, мягким, податливым, что нельзя было разглядеть в темноте, но можно было почувствить ногами. Алекс шёл первым, держа фонарь в левой руке. Правая — чёрная, замотанная в бинты, бесполезная — висела плетью, и он чувствовал, как когти царапают ткань изнутри, как ве-

ны пульсируют в такт его сердцу, как осколок в груди бьётся в такт чужому, нечеловеческому ритму.

Интерфейс показывал уровень загрязнения: 41%. Фоновое Нулевое загрязнение росло с каждым шагом.

Рядом с ним, на носилках, которые несли Тихий и Гвоздь, лежал Валет. Его глаза были открыты, но смотрели в потолок — бетонный, серый, с трещинами, из которых сочилась вода, собиралась в капли, срывалась вниз с мерным, гипнотическим звуком. Кап. Кап. Кап. Как секундная стрелка часов, отсчитывающих время до смерти.

— Валет, — позвал Алекс, не оборачиваясь. — Ты слышишь меня?

Валет не ответил. Но его правая рука дёрнулась — слабо, едва заметно, и «Когти» выскользнули из пальцев на миллиметр, блеснув в свете фонаря чёрным, маслянистым металлом.

```
[«Когти Ворона»: боевая автономия 2% → 8% (рост)]
[Носитель: в сознании, но заторможен]
[Рекомендация: не активировать артефакт]
```

— Он слышит, — сказала Лайла, идущая в конце колонны. — Артефакт не даёт ему потерять сознание. Он заставляет его страдать. Заставляет бороться. Потому что борьба — это топливо. Кровь — это топливо. Боль — это топливо.

— Тогда пусть борется, — ответил Алекс. — Он не первый раз умирает. И не первый раз возвращается.

10.

Они прошли полпути, когда из бокового коридора донёсся звук. Тихий сначала, как шепот, как шорох крыльев летучей мыши. Потом громче — скрежет, скрип, хлюпанье. Что-то мокрое скользило по бетону, оставляя за собой слизистый след.

— Стой, — поднял руку Алекс.

Отряд замер. Даже дыхание, казалось, остановилось, чтобы не привлекать внимание.

Из темноты, из бокового ответвления, вырвалось щупальце. Маленькое, тоньше человеческой руки, с недоразвитой пастью на конце, из которой капала слизь и какая-то мутная, желтоватая жидкость. Оно двигалось быстро, хаотично, на-

щупывая добычу, как слепой, который ищет опору, как палач, который проверяет, насколько крепко связана жертва.

— Новое, — прошептал Клык, натягивая тетиву арбалета. — Растёт быстро. Через день будет размером с руку.

— Не дадим, — ответил Алекс.

Щупальце метнулось вперёд, к Рыжему, который шёл в середине колонны, сжимая баллон с пропаном. Рыжий не успел отпрыгнуть — щупальце обвило его ногу, дёрнуло, сбивая с ног. Баллон покатился по воде, зазвенев о бетон.

— А-а-а! — закричал Рыжий, хватаясь за ногу, пытаясь вырваться.

Волна бросилась к нему. Её нож блеснул в свете фонарей, и она рубанула по щупальцу — раз, второй, третий. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом. Щупальце дёрнулось, разжало хватку и уползло обратно в темноту, оставив на бетоне чёрный, дымящийся след.

— Живой? — спросила Волна, помогая Рыжему подняться.

— Да, — ответил Рыжий, тяжело дыша. Его лицо было

бледным, почти прозрачным, ноги дрожали. — Живой.

— Держись ближе к центру, — сказала Волна. — И не отдавай баллон.

Она подняла баллон, протянула ему. Рыжий взял, сжал так, что побелели костяшки пальцев.

— Не отдам, — ответил он.

11.

Реакторный зал был огромным — метров сто в поперечнике, с высоким, бетонным потолком, который когда-то поддерживали железобетонные колонны. Теперь колонны стояли криво, треснувшие, некоторые рухнули, превратив зал в лабиринт из бетонных обломков и арматуры, торчащей в разные стороны, как кости гигантского, давно умершего зверя.

В центре зала, там, где когда-то был защитный контур реактора, теперь зияла чёрная, дымящаяся дыра — остаток взрыва, который Кремень-младший устроил час назад. Реактор погас. Зелёный свет исчез. Осталась только тьма и пульсирующее, живое свечение тела Гидры.

Она была там. В центре зала. Её тело — огромное, метров

пятнадцать в диаметре, с чёрной, блестящей кожей, покрытой слизью и наростами брони — лежало в воде, как кит, выброшенный на берег. Два активных щупальца извивались в агонии, перемалывая обломки колонн, всасывая остатки тех, кто был здесь до них. Три новых — маленьких, только начинающих формироваться, с недоразвитыми пастями, которые ещё не могли кусать, но уже тянулись к ним, к теплу, к жизни.

И головы. Две активные головы. Одна — с выбитым глазом, с разорванной челюстью, ОЗ 40. Вторая — целее, но раненая, с глубокой раной на шее, ОЗ 30. И три новые головы — маленькие, слепые, ОЗ по 20, торчащие из тела, как грибы после дождя, как отростки раковой опухоли, которая не может остановиться, потому что её питает сама Нулевая энергия.

```
[Гидра: ОЗ 60/800]
[Активные головы: 2 (ОЗ 40, ОЗ 30)]
[Новые головы: 3 (ОЗ по 20)]
[Регенерация: заблокирована (взрыв реактора), восстановится через 15 минут]
```

— Вижу, — сказал Алекс, поднимая «Рассекатель». —

Две активные, три новые. Гарпунщики — фиксируете активные. Шрам, Волна — новые не дают подойти с флангов. Кремень, Рыжий — баллоны готовьте. Я и Валет — в центр. Если Валет не сможет — вы, Клык.

Клык кивнул. Он достал из сумки последние болты, зарядил арбалет.

— А если все четыре промажутся? — спросил Тихий.

— Тогда умрём, — ответил Алекс. — Но умрём не как крысы в норе. Как воины. С оружием в руках. С именами на устах.

Он шагнул в зал.

Часть третья. Первая кровь

12.

Первыми ударили гарпуны.

Клык, Тихий и Гвоздь выстрелили почти одновременно. Два гарпуна вонзились в щупальца активной головы №1 (ОЗ 40), пришпилив их к полу, к колоннам, к бетонным обломкам. Третий гарпун промахнулся — щупальце второй голо-

вы дёрнулось в последний момент, и наконечник скользнул по броне, высекая искры, не причинив вреда.

— Держите! — крикнул Клык, перезаряжая арбалет.

Гидра забилась, пытаясь освободиться, но гарпуны держали мёртво. Канаты, которыми они были привязаны к колоннам, натянулись, заскрипели, но не лопнули.

Алекс и Шрам бросились вперёд.

13.

Шрам атаковал первым. Тесак его описал дугу и обрушился на шею головы №1. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом. Голова дёрнулась, пытаясь укусить, но Шрам уже отпрыгнул назад, уходя от челюстей.

— Не спеши! — крикнул Алекс. — Дай ей замереть.

— Она не замирает! — ответил Шрам, уклоняясь от нового удара.

Алекс подошёл с другой стороны. «Рассекатель» пульсировал в его левой руке, чувствуя врага, чувствуя кровь, чувствуя смерть. Он рубанул по шее — раз, второй, третий.

Кровь хлестала, заливая его лицо, руки, одежду.

```
[Совместная атака: Алекс + Шрам. Урон: 25 + 20 = 45]
[Голова #1: ОЗ 40 → 0]
```

Голова отделилась от тела и упала в воду, поднимая фонтан грязи и слизи. Щупальца дёрнулись в последний раз и замерли.

— Одна! — крикнул Шрам, вытирая лицо рукавом.

— Не расслабляйся, — ответил Алекс. — Осталось четыре.

14.

В этот момент вторая голова (ОЗ 30) пришла в ярость.

Она вырвала свои щупальца из гарпунов — Гвоздь, который фиксировал канат, не удержал его, поскользнулся в воде, упал. Щупальца хлестнули по отряду, сбивая людей с ног, разбрасывая их, как тряпичных кукол.

Голова #2 бросилась на Алекса.

Он не успел бы увернуться — он знал это. Видел, как она приближается, как челюсти раскрываются, как зубы блестят в тусклом свете. Он поднял «Рассекатель» для блока, но голова не целилась в корпус — она целилась в правую руку, сломанную, бесполезную, висящую плетью.

Челюсти сомкнулись на предплечье.

Алекс закричал — не от боли, от ярости.

```
[Алекс: ОЗ 65 → 50]
[Правая рука: раздроблены кости, разорваны мышцы, потеря чувствительности]
```

— А-а-а! — его крик эхом разнёсся по залу, отражаясь от стен, возвращаясь искажённым, многократно усиленным.

Он не вырывался. Он не мог. Он ударил. «Рассекатель» вошёл в глаз головы №2.

```
[Урон: 35 (критический)]
[Голова #2: ОЗ 30 → 0]
```

```

Голова дёрнулась, разжала челюсти, забилась в агонии и замерла. Кровь хлынула из глазницы — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом. Алекс упал на колено, прижимая к груди правую руку, которая теперь была просто куском мяса, висящим на сухожилиях.

15.

— Алекс! — крикнула Лайла из укрытия.

— Не подходи! — ответил Алекс, поднимаясь. — Я в порядке.

Он не был в порядке. Но он должен был стоять. Если он упадёт, упадут они. Все. До одного.

Шрам подбежал к нему, схватил за плечо.

— Отходи, — сказал Шрам. — Ты не можешь драться.

— Я могу, — ответил Алекс, сжимая «Рассекатель» в левой руке. — У меня ещё есть рука.

— Одна, — сказал Шрам. — У тебя одна рука.
```

— Этого достаточно, — ответил Алекс.

16.

Из темноты, из-под воды, вырвались два новых щупальца. Они были тоньше, чем те, что они видели раньше, — новые, только начинающие формироваться, — но они были. И они были голодны.

Они ударили одновременно. Первое щупальце обвило ногу Шрама, дёрнуло, сбивая его с ног. Шрам упал на спину, ударившись головой о бетон. Тесак вылетел из рук, затерялся в темноте.

Второе щупальце бросилось на Алекса. Он уклонился, рубанул «Рассекателем» — и отрубил его конец. Кровь хлынула, щупальце дёрнулось, забилось, но не отступило. Оно обвило его правую руку — мёртвую, бесполезную — и сжало. Боль была острой, но Алекс не чувствовал её. Правая рука не чувствовала ничего.

Он ударил снова, в основание щупальца, и отрубил его. Кровь хлынула, как из ведра, заливая его лицо, руки, одежду.

— Шрам! — крикнул Алекс. — Вставай!

Шрам не ответил. Он лежал на спине, глядя в потолок пустыми глазами. Кровь текла из раны на голове — неглубокой, но опасной. Он терял сознание.

— Чёрт, — прошептал Алекс.

Часть четвёртая. Тень возвращается

17.

В этот момент Валет встал.

Он встал с носилок, волоча культю по воде. Его лицо было бледным, почти прозрачным, с чёрными, пульсирующими венами на висках. Правая рука — чёрная, пульсирующая, сросшаяся с «Когтями» — светилась в темноте, как маяк, как предупреждение, как обещание.

```
[«Когти Ворона»: боевая автономия 8% → 45% → 72%]
[Валет: интеграция 68% → 70%]
[Статус: артефакт активируется. Носитель частично теряет контроль.]
```

Он не сказал ни слова. Он просто пошёл. Культя стучала по бетону, оставляя кровавый след. «Когти» выскользнули из пальцев с металлическим щелчком — длинные, чёрные, пульсирующие. Артефакт взял управление на себя.

— Валет, стой! — крикнула Лайла из укрытия. — Ты умрёшь!

Валет не обернулся.

— Я умру не здесь, — ответил он, и голос его был чужим — механическим, искажённым, как у робота, который пытается изобразить человеческую речь, но не может.

Он прыгнул на голову №2 (которая уже была мертва, но её тело всё ещё дёргалось), чтобы добраться до новых голов, которые начали активно шевелиться, почуяв кровь.

18.

Новые головы — три штуки, ОЗ по 20 — поднялись из воды. Они были маленькими, слепыми, но агрессивными. Они не видели, но чувствовали тепло, вибрацию, запах крови.

Они бросились на отряд.

Волна взяла на себя первую. Она рубила ножом направо и налево, уклоняясь от щупалец, которые хлестали по воде, поднимая фонтаны грязи и слизи. Её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз, — но в глазах — серых, холодных — горела ненависть.

— Иди сюда, тварь! — крикнула она, и её голос эхом разнёсся по залу.

Вторая голова напала на Клыка. У него не было болтов — он использовал арбалет как дубину, отбиваясь от щупалец, которые пытались обвить его ноги. Его лицо было бледным, но глаза — чёрными, пустыми — горели. Он не думал. Он не сомневался. Он просто делал то, что должен.

— Кремень! — крикнул Клык. — Огонь!

19.

Кремень-младший и Рыжий подбежали к третьей голове.

Рыжий дрожал, но открыл вентиль баллона и направил струю газа в морду твари. Пропан шипел, обволакивая голову, заставляя её чихать, трястись, пятиться назад.

— Жги! — крикнул Кремень-младший.

Он щёлкнул зажигалкой. Пламя вспыхнуло — и голова загорелась.

```
[Урон огнём: 15]
[Голова #3а: ОЗ 20 → 5]
```

Тварь визжала, мечась по воде, пытаясь сбить пламя, но огонь только разгорался, охватывая кожу, слизь, плоть.

— Ещё! — крикнул Кремень-младший.

Рыжий открыл вентиль шире. Газ пошёл сильнее. Пламя взметнулось вверх, ослепляя, обжигая.

```
[Урон огнём: 10]
[Голова #3а: ОЗ 5 → 0]
```

Голова замерла, дёрнулась в последний раз и затихла.

— Есть! — крикнул Рыжий, и его голос дрогнул — впервые за этот бой.

— Не расслабляйся, — ответил Кремень-младший. — Осталось две.

20.

Валет тем временем добрался до второй новой головы.

Он не думал. Он не сомневался. Он просто делал то, что должен. «Когти» работали сами — вонзались в основание шеи, высасывали энергию, разрывали плоть, перемалывали кости. Кровь хлынула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом.

```
[Урон: 30 (артефакт, игнорирует броню)]
[Голова #3b: ОЗ 20 → 0]
```

Голова отвалилась и упала в воду. Валет пошатнулся, упал на колено. Кровь текла из его носа, из ушей — артефакт высасывал его жизнь, превращая её в смерть врага.

— Валет! — крикнула Лайла, выбегая из укрытия. — Отключи автономию!

Валет не ответил. Он не мог. Артефакт держал его горло, контролировал дыхание, сердце, волю.

Он встал. Пошёл к третьей новой голове.

21.

Последняя новая голова напала на Лайлу.

Она выбежала из укрытия, чтобы перевязать Валета, и не заметила, как щупальце обвило её ногу, дёрнуло, сбивая с ног. Она упала на спину, ударившись головой о бетон, и в тот же момент пасть головы раскрылась над ней, готовая сомкнуться на её лице.

— Нет! — закричала девочка с камнем.

Она выбежала из укрытия, подбежала к голове и подняла руку. Чёрная метка на её лбу вспыхнула — фиолетово-чёрным, пульсирующим, живым светом.

Голова замерла.

Она не напала. Она замерла, чувствуя энергию, исходящую от девочки, чувствуя что-то знакомое, что-то родное, что-то, что она не могла понять, но чего боялась.

— Не трогай её! — крикнула девочка, и её голос был громким, звонким, недетским.

Голова дёрнулась, зашипела, но не двинулась с места.

22.

— Рыжий! — крикнул Кремень-младший. — Баллон!

Рыжий подбежал к голове, которая замерла, очарованная светом чёрной метки, и направил струю газа прямо в пасть.

— Жги!

Кремень-младший поднёс зажигалку. Пламя вспыхнуло — и голова загорелась изнутри.

```
[Урон огнём: 20]
[Голова #3с: ОЗ 20 → 0]
```

Голова дёрнулась, забилась в агонии и замерла. Пасть раскрылась, выпуская клуб дыма, и тело её обмякло.

Тишина.

Часть пятая. Отступление

23.

В зале воцаряется неестественная тишина. Дым, гарь, стоны раненых. Вода черная от крови.

Алекс стоит на колене, опираясь на «Рассекатель». Правая рука — мёртвая, бесполезная — висит плетью, из раздробленных костей сочится кровь, смешиваясь с болотной водой. Левая рука дрожит — не от страха, от усталости.

Шрам лежит на спине, его единственный глаз закрыт, тесак зажат в руке так, что побелели костяшки пальцев. Кровь течёт из раны на голове, из раны на груди, из раны на ноге. Он жив. Но он не в себе.

Валет сидит, прислонившись спиной к колонне, и смотрит в потолок пустыми глазами. «Когти» затихли — насытились, успокоились, заснули. Из его носа течёт кровь, из ушей, из глаз. Лайла рядом, вкалывает стимуляторы, перевязывает раны, молится, чтобы сердце не остановилось.

Кремень-младший и Рыжий стоят у стены, тяжело дыша.

Их лица в копоти, в крови, в грязи. Руки дрожат, но они живы. Они целы.

Волна стоит над телом последней новой головы и смотрит на неё без эмоций. Её нож в крови, её лицо в крови, её одежда в крови. Она устала. Она хочет домой.

Клык, Тихий, Гвоздь перегруппировываются у выхода. У них не осталось болтов. У них не осталось гарпунов. У них остались только ножи и усталость.

```
[Состояние отряда:
Алекс: ОЗ 50/280, правая рука сломана, потеря крови.
Валет: ОЗ 15/180, интеграция 73%, без сознания.
Шрам: ОЗ 30/240, сотрясение, потеря крови.
Кремень-младший: ОЗ 80/150, сломана левая рука.
Гвоздь: ОЗ 65/120, рваная рана плеча.
Остальные: лёгкие ранения, истощение.]
```

24.

Алекс поднимается. Ноги гудят, голова кружится, перед глазами плывут чёрные точки. Интерфейс мигает красным:

```
[«Нейтрализатор»: осталось 7 минут]
[Гидра: ОЗ 60/800, регенерация восстановится через 3 часа]
[Новые головы: 3 формируются, появятся через 12 часов]
[Рекомендация: немедленная эвакуация]
```

— Уходим, — говорит Алекс, и его голос эхом разносится по залу. — Все. Сейчас. Не оглядываясь.

— А Гидра? — спрашивает Клык.

— Выжила, — ответил Алекс. — Но мы отрубили ей все головы. У нас есть три дня. Три дня, чтобы зализать раны, найти патроны, подготовиться. Три дня, чтобы придумать, как убить её навсегда.

Он смотрит на тело Гидры. Оно дышит. Медленно, ровно, как спящий зверь. Из культей шеи сочится чёрная, маслянистая жидкость — регенерация уже начала работать. Новые головы формируются. Маленькие, розовые, пульсирующие. Через три дня здесь будет пять новых голов. Пять новых смертей.

— Мы вернёмся, — говорит Алекс. — Но не сегодня. Се-

годня мы выжили.

25.

Отход был медленным и мучительным.

Тихий и Гвоздь несли Валета на носилках. Лайла шла рядом, вкалывая ему стимуляторы, проверяя пульс, молясь, чтобы он не остановился снова. Рыжий тащил запасной баллон, который не пригодился, и его лицо было бледным, но глаза — серыми, почти прозрачными — горели. Он сделал это. Он не сбежал. Он был не трусом.

Шрама несли Клык и Волна. Он был без сознания, но тесак не выпускал. Даже без сознания. Даже умирая. Пальцы его были белыми от напряжения, сжимающими рукоять так, что, казалось, кости вот-вот хрустнут.

Кремень-младший шёл сам, опираясь на плечо Рыжего. Его лицо было бледным, но глаза — карими, почти чёрными — горели. Он помог. Он не был бесполезным.

Алекс шёл последним, прикрывая отход. Его правая рука висела плетью, левая сжимала «Рассекатель». Клинок пульсировал красным, чувствуя врага, чувствуя кровь, чувствуя смерть.

```
[Алекс: ОЗ 50/280, потеря крови 2% в минуту]
[«Нейтрализатор»: осталось 4 минуты]
```

— Держись, — прошептал он, обращаясь к Валету, к Шраму, к тем, кто не мог идти сам. — Держитесь. Мы почти дома.

Часть шестая. Эпилог. Глаза из темноты

26.

Группа «Голоса» встретила их на выходе из болота.

Они стояли на холме — десять человек в чёрной броне, с арбалетами в руках и масками на лицах. В центре — высокий, худой человек в чёрном плаще, с лицом, скрытым маской из чёрного, блестящего пластика, с голубоватыми прожилками, которые пульсировали в такт его дыханию. «Голос».

— Алекс, — сказал он, и его голос был усилен динамиками, встроенными в маску, и звучал механически, неестественно, как у робота, который пытается изобразить челове-

ческую речь, но не может. — Мы встретились снова.

Алекс остановился. Отряд замер за его спиной.

— Уйди с дороги, — сказал Алекс, и голос его был ровным, спокойным, но в нём слышалась сталь, которую нельзя согнуть, нельзя сломать.

— Ты не убил её, — сказал «Голос», и в его голосе зазвучала усмешка. — Ты только отложил. Хорошо. Ты ослабил себя. Ещё лучше. Теперь моя очередь. Чистилище начинается. Не с Гидры — с тебя. Ты сломан. Твой клан истекает кровью. А я — нет.

— Попробуй, — ответил Алекс, поднимая «Рассекатель».

«Голос» поднял руку. Солдаты подняли арбалеты.

И в этот момент из-за спин отряда вышла девочка с камнем.

27.

Она была маленькой — лет десяти, не больше, — в грязной, рваной одежде, босая, с растрёпанными волосами. В руке она сжимала свой камень — гладкий, тёплый, с едва за-

метными царапинами. А на лбу у неё пульсировала чёрная метка.

— Ты лжёшь, — сказала она, и её голос был громким, звонким, недетским. — Ты боишься. Я вижу. Твоё сердце колотится. Твои руки дрожат. Ты знаешь, что если нападёшь сейчас — умрёшь. Потому что он сильнее. Потому что они сильнее. Потому что мы — «Нулевые». А «Нулевые» не сдаются.

Чёрная метка на её лбу вспыхнула. Фиолетово-чёрный свет вырвался из её лба, как луч, как молния, как сама Нулевая энергия, и ударил в солдат «Голоса». Они замерли, схватившись за головы, закричали, упали на колени. Их интерфейсы мигали красным, сыпали предупреждениями, сходили с ума.

«Голос» замер. Его маска пульсировала — тускло, медленно, как сердцебиение. Он смотрел на девочку, и в его пустых, чёрных глазницах не было ничего — только удивление. И страх.

— Что это? — прошептал он. — Что это, чёрт возьми?

— Это надежда, — ответил Алекс.

«Голос» смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом махнул рукой. Солдаты поднялись, подобрали арбалеты, отступили в туман.

— Ты умрёшь, Алекс, — сказал «Голос», исчезая в серой мгле. — Не сегодня. Не завтра. Но ты умрёшь. И твоя вера умрёт вместе с тобой.

— Посмотрим, — ответил Алекс.

28.

Форт встретил их огнями и запахом дыма.

Ворота открылись с протяжным, ржавым скрипом — механизм не смазывали годами, и каждый поворот створок звучал похоронным маршем. Женщины и дети стояли у входа, сжимая в руках факелы, освещая путь раненым.

Архивариус стоял у ворот, сжимая в руках планшет, и его лицо было бледным — почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках. Под глазами залегли глубокие, тёмные круги — он не спал уже больше суток, расшифровывая файлы, готовя карты, анализируя риски.

— Потери? — спросил Архивариус, когда Алекс подошёл.

— Все живы, — ответил Алекс. — Почти все. Валет в критическом состоянии. Шрам без сознания. Кремень-младший, Гвоздь — ранены. Но живы.

Архивариус кивнул. Он открыл планшет, начал вводить данные.

```
[Потери «Нулевых»: 0 убитых, 6 тяжелораненых, 4 легкораненых]
[Гидра: ОЗ 60/800, регенерация восстановится через 3 часа]
[«Голос»: отступил]
[Ресурсы: еда — на 2 дня, вода — на 1 день, боеприпасы — закончились]
```

— Мы победили? — спросил Архивариус, и его голос дрогнул.

— Нет, — ответил Алекс, глядя на юг, туда, где в серой мгле болот пряталось логово Гидры. — Мы просто отложили. На три дня. Потом она восстановится. И вернётся. И мы должны быть готовы.

Он повернулся к форту, к дому, к надежде.

— Но сегодня мы выжили, — сказал Алекс. — Это уже победа.

29.

Девочка с камнем стояла у входа в столовую, сжимая свой талисман. Её глаза — огромные, серые — смотрели на Алекса, и в них не было страха. Была надежда.

— Ты вернулся, — сказала она. — Я знала.

— Как и обещал, — ответил Алекс, опускаясь на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне.

Она протянула ему камень.

— Держи. Он защищает. Ты нужен нам живым.

Алекс взял камень. Он был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет. Он сунул его в карман, рядом с зубом Пса.

— Спасибо, — сказал Алекс.

— Не благодари, — ответила девочка. — Выживешь — расквитаешься.

Она улыбнулась — впервые за много дней, с тех пор как они пришли в форт, с тех пор как она потеряла родителей, с тех пор как она поняла, что мир никогда не будет прежним.

Алекс поднялся и пошёл к лазарету — к раненым, к Валету, к тем, кто ждал его возвращения.

30.

Лайла сидела у койки Валета, сжимая его левую руку. Его лицо было бледным — почти белым, как полотно, как мел, как лицо мертвеца, который ещё не понял, что мёртв. Правая рука — чёрная, пульсирующая — лежала поверх одеяла, и «Когти» больше не пульсировали. Они были спокойны. Сыты. Довольны.

```
[Валет: интеграция 73%]
[«Когти Ворона»: боевая автономия 2%]
[Прогноз: стабилизация. Полная потеря личности через 72 часа без лечения.]
```

— Он будет жить? — спросил Алекс, стоя в дверях.

— Не знаю, — ответила Лайла, не поднимая головы. — Артефакт насытился и затих. Интеграция остановилась на семидесяти трёх процентах. Если он выживет — он останется собой. Если нет — он умрёт. Или станет монстром. Я не знаю. Никто не знает.

— А если ампутировать руку?

— Поздно, — Лайла покачала головой. — «Когти» срослись с костями, с нервами, с кровеносной системой. Если отрезать руку, он умрёт от потери крови за минуту. Или от болевого шока. Или от того, что артефакт начнёт высасывать его заживо. Мы опоздали.

Алекс подошёл к койке, посмотрел на Валета. На его бледное лицо, на его чёрную, пульсирующую руку, на его закрытые глаза. Вспомнил, как Валет уходил в разведку к Барону. Как вернулся — сломанный, израненный, с пластиной в голове, с ядом в кармане, который не принял, потому что надеялся. Надеялся на них. На клан. На семью.

— Ты вернулся, — прошептал Алекс. — Ты всегда возвращаешься. Вернись и в этот раз. Мы ждём.

Он повернулся к выходу.

— Три дня, — сказал Алекс, не оборачиваясь. — Три дня, чтобы найти патроны, еду, воду. Три дня, чтобы подготовиться. Через три дня мы идём добивать Гидру.

— А если не успеем? — спросила Лайла.

— Тогда умрём, — ответил Алекс. — Но умрём не как крысы в норе. Как воины. С оружием в руках. С именами на устах.

Он вышел из лазарета.

31.

Алекс стоял на стене форта и смотрел на юг. Ночь была чёрной, беззвёздной, и только ветер выл в стенах, завывал в пустых оконных проёмах, бросал в лицо мелкий, колючий пепел.

Интерфейс мигнул в последний раз.

```
[«Нейтрализатор»: действие закончено]
[Интеграция: 67%]
```

[Автономный режим: активен]

[Голос: «Ты слаб. Ты устал. Ты не сможешь. Отдайся мне. Это не больно. Это просто освобождение.»]

```

Алекс сжал «Рассекатель» в левой руке. Правая — мёртвая, бесполезная — висела плетью.

— Заткнись, — прошептал он. — Сначала Гидра. Потом посмотрим.

Он закрыл глаза. Открыл.

И остался на стене — ждать рассвета, ждать новых боёв, ждать того, что принесёт им Воронка.

Потому что Воронка не кончалась никогда.

И «Нулевые» менялись вместе с ней.

---

ИТОГ ГЛАВЫ 61: ФАЗА 3 — МЕТОДИЧНОЕ ОТРУБАНИЕ ГОЛОВ

```

[КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ]

- Отряд входит в комплекс «Генезис».
- В боковом коридоре отряд атакует новое щупальце, Рыжий получает ранение.
- Уничтожены 2 активные головы Гидры (ОЗ 40 и 30) ценой тяжёлых ранений Алекса и Шрама.
- Валет активирует «Когти», уничтожает одну новую голову, теряет сознание.
- Кремень-младший и Рыжий сжигают одну новую голову.
- Девочка с камнем останавливает третью новую голову своей Нулевой энергией, Рыжий и Кремень-младший сжигают её.
- Отряд отступает к форту.
- «Голос» встречает отряд на выходе из болота, но девочка с камнем вынуждает его отступить.
- Гидра жива: ОЗ 60/800, новые головы через 12 часов, регенерация восстановится через 3 часа.

[ПОТЕРИ «НУЛЕВЫХ»]

- Алекс: правая рука сломана (бесполезна), перелом ключицы, потеря крови (ОЗ 50/280).
- Валет: без сознания, интеграция 73%, ОЗ 15/180.
- Шрам: сотрясение, открылась старая рана, потеря крови (ОЗ 30/240).

- Кремень-младший: сломана левая рука.
- Гвоздь: рваная рана плеча.
- Боеприпасы: закончились полностью.

[СОСТОЯНИЕ ВРАГА]

- Гидра: ОЗ 60/800. Активных голов нет. Новые головы через 12 часов. Регенерация восстановится через 3 часа.
- «Голос»: отступил, наблюдает.

[СОСТОЯНИЕ КЛАНА]

- Мораль: критическая.
- Ресурсы: еда — на 2 дня, вода — на 1 день, боеприпасы — 0.
- Статус Алекса: «Нейтрализатор» закончился, интеграция 67%, автономный режим активен.

[ЗАДЕЛ НА ГЛАВУ 62]

- Подготовка к решающей битве с Гидрой (3 дня).
- Лечение Валета: поиск способа снизить интеграцию.
- Поиск боеприпасов и ресурсов.
- «Голос» начинает операцию «Чистилище».
- Девочка с камнем — её способности усиливаются.
```
```

ГЛАВА 62. ГИДРА ПАЛА

Часть первая. Час после бури

1.

Реакторный зал лабораторного комплекса «Генезис» никогда не был таким тихим. Даже когда Гидра спала — а она спала большую часть времени, переваривая добычу, восстанавливая утраченные головы, наращивая новую броню, — здесь всегда слышалось её дыхание. Низкое, булькающее, похожее на работу старого, проржавевшего насоса, который качает воду из болота, не зная устали. Оно было фоном, белым шумом, к которому привыкаешь за годы жизни под землёй, перестаёшь замечать, начинаешь воспринимать как часть себя, как биение собственного сердца.

Теперь дыхание исчезло. Осталась только тишина — та самая, которой Глухарь когда-то боялся больше всего, та самая, которая означает, что опасность затаилась, что смерть близко, что кто-то сделал ложный шаг, и теперь расплата будет страшной. Но сейчас смерть была здесь. Она лежала в центре зала, разлагаясь, превращаясь в ничто, в прах, в па-

мять.

Гидра умирала. Медленно, неохотно, с достоинством, которого никто не ожидал от порождения Нулевого объекта, от твари, созданной в лабораториях безумных учёных, которые играли в бога и проиграли. Её тело, ещё час назад огромное, чёрное, пульсирующее живыми огнями регенерации — теми самыми огнями, которые заставляли Клыка материться, когда он видел, как болты застревают в броне и выпадают, не причинив вреда, — теперь напоминало гору гниющего мяса, которое сжималось, съёживалось, распадалось на части, как старый, прогнивший корабль, который наконец-то достиг дна и теперь рассыпается под давлением воды.

Кожа, которая не поддавалась даже артефактным клинкам — «Рассекатель» Алекса оставлял на ней лишь тонкие царапины, когда не попадал в уязвимые места, — теперь отслаивалась лоскутами, обнажая чёрную, маслянистую плоть, сочащуюся слизью и гноем, смешанным с осколками костей и кусками недоразвитой нервной ткани. Запах был невыносимым — смесь сероводорода, аммиака и сладковатой гнили, которая вызывала тошноту, головокружение, желание бежать, не оглядываясь, забыть этот день как страшный сон, который никогда не повторится. Но никто не бежал. Они смотрели. Они ждали. Они верили, что она умрёт окончательно.

Алекс сидел на бетонном обломке в трёх метрах от тела Гидры, прислонившись спиной к холодной, шершавой колонне. Когда-то эта колонна была частью несущей конструкции — в довоенные времена здесь, наверное, стояли станки, работали люди, пили кофе, смеялись, спорили о политике и планах на выходные. Теперь колонна была треснута, покрыта чёрной, блестящей плесенью, которая блестела в тусклом свете аварийных ламп, как глаза смотрящих, как напоминание о том, что довоенный мир мёртв и никогда не вернётся.

Его лицо было бледным — почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках и чёрными, запёкшимися пятнами крови на щеках. Кровь была не его — Гидры, смешанная со слизью и грязью, превратившаяся в липкую, зловонную корку, которая трескалась, когда он морщился от боли. Глаза были открыты, но смотрели в потолок, в одну точку, не моргая. Он не спал. Он не был без сознания. Он был где-то между — в той серой зоне, где система затихла, насытившись кровью Гидры, энергией её смерти, её агонией, её последним вздохом, но где сам носитель ещё не решил, хочет ли он возвращаться. В той зоне, где граница между «я» и «не-я» становится настолько тонкой, что её можно перерезать одним движением, одним вздохом, одной мыслью.

Интерфейс пульсировал перед глазами зелёным светом —

спокойным, ровным, почти ласковым. Таким он был только в первые дни, когда Алекс только упал в Воронку, когда интерфейс был другом, а не тюремщиком, когда зелёные цифры означали надежду, а не отсрочку смертного приговора.

```
[БОЙ ЗАВЕРШЁН. ОБРАБОТКА РЕЗУЛЬТАТОВ...]
[ГИДРА: ОЗ 60/800 → 0/800. УГРОЗА ЛИКВИДИРОВАНА.]
[ОПЫТ: +800]
[УРОВЕНЬ: 16 → 17]
[ДОСТУПНЫ НОВЫЕ НАВЫКИ: 2]
[ИНТЕГРАЦИЯ: 67% → 68% (СТАБИЛИЗАЦИЯ)]
```

Семнадцатый уровень. Цифра, которая когда-то казалась недостижимой мечтой о силе, о безопасности, о будущем, о том дне, когда он сможет выйти на поверхность и увидеть солнце — не серое, тусклое, мёртвое, а настоящее, жёлтое, живое. Теперь она была просто цифрой — ещё одной ступенькой на лестнице, которая вела в никуда. Алекс чувствовал, как система перестраивается, как новые связи формируются в его сознании, как открываются новые возможности, новые навыки, новые пути. Но он не радовался. Он был слишком устал, чтобы радоваться.

Правая рука — чёрная, замотанная в бинты, которые насквозь пропитались болотной водой и кровью, своей и чужой, — лежала на колене. Бинты когда-то были белыми — Лайла меняла их перед выходом, накладывала слой за слоем, туго, чтобы кровь не сочилась, чтобы кости не двигались, чтобы он не потерял руку окончательно. Теперь они были серыми, почти чёрными, пропитанные той странной, маслянистой жидкостью, которая сочилась из его пор вместо крови. Она не пахла железом — она пахла озоном и чем-то сладковатым, приторным, как запах гниющих цветов. Запахом смерти, замаскированной под надежду.

Когти не царапали ткань. Вены не пульсировали. Система молчала. Артефактная рука затихла, как и её хозяин. Алекс сжал кулак — когти впились в ладонь, но он не почувствовал боли. Правая рука не чувствовала ничего. Она была мёртвой. Бесполезной. Просто куском мяса, висящим на сухожилиях, которые ещё не перерезало окончательно, но которые уже не могли передавать сигналы от мозга к пальцам, от пальцев к клинку, от клинка к врагу.

```
```

[ПРАВАЯ РУКА: ПЕРЕЛОМ КЛЮЧИЦЫ, РАЗРЫВ СВЯЗОК, ПОВРЕЖДЕНИЕ НЕРВОВ]

[СТАТУС: НЕРАБОТОСПОСОБНА. ТРЕБУЕТСЯ ЛЕЧЕНИЕ (10-14 ДНЕЙ)]

[БОЕСПОСОБНОСТЬ: 40% (ТОЛЬКО ЛЕВАЯ РУКА)]
```

Алекс не смотрел на цифры. Он смотрел на тело Гидры. На то, как оно разлагалось, превращаясь в ничто. На то, как чёрная, маслянистая жижа растекалась по бетонному полу, смешиваясь с водой, с кровью, с грязью, образуя зловонные, пузырящиеся лужи, которые отражали тусклый свет аварийных ламп, искажённые, кривые, похожие на лица, которые не хочешь узнавать. Он думал о том, сколько жизней стоила эта тварь. Сколько крови. Сколько боли. И стоило ли оно того.

2.

Шрам сидел в трёх метрах от Алекса, прислонившись спиной к другой колонне. Эта колонна была целее — трещины, но неглубокие, арматура не торчала наружу, не рвала одежду, не царапала кожу. Он выбрал её специально — чтобы не пораниться лишний раз, чтобы не тратить силы на то, что можно было избежать. В Воронке берегут каждую каплю крови.

Его лицо было бледным — почти синим в тусклом свете аварийных ламп, которые Кремень-младший зажёг, чтобы осветить зал. Свет был жёлтым, коптящим, с запахом горелого керосина и горячего металла. Он отбрасывал длинные,
```

пляшущие тени на стены, на колонны, на лица людей, делая их похожими на призраков, на демонов, на смотрящих, которые пришли посмотреть на казнь и остались, потому что казнь была красивой.

Повязка на груди промокла насквозь — кровь сочилась из старой раны, которую он открыл, когда рубил голову Гидры. Лайла говорила ему: «Не напрягайся, швы разойдутся, ты умрёшь от потери крови быстрее, чем Гидры успеет до тебя добраться». Он не слушал. Он никогда не слушал. Он рубанул тесаком по шее твари — раз, второй, третий, — и кровь хлынула из его собственной раны, заливая повязку, одежду, руки. Он чувствовал, как она течёт, как жизнь уходит из него вместе с ней, но не остановился. Потому что если он остановится, умрут другие.

Рассечённая бровь запеклась, превратившись в чёрную, блестящую корку, под которой кожа пульсировала в такт сердцу. Он получил этот удар, когда голова Гидры дёрнулась в последний раз и ударила его костяным наростом на лбу — тем самым, который, вероятно, должен был стать рогом, но так и не вырос. Удар был сильным — мир поплыл перед глазами, и он упал на колено, но не выпустил тесак. Сотрясение не прошло — мир иногда плыл перед единственным глазом, двоился, троился, превращаясь в калейдоскоп боли и усталости, в котором нельзя было различить, где враг, а где свой.

Но он не обращал внимания. Боль была его старым другом, который не покидал его уже много лет, с тех пор как он впервые взял в руки тесак и понял, что обратного пути нет, что Воронка не отпустит, что он умрёт здесь, но умрёт с честью. Он сжимал тесак так, что побелели костяшки пальцев, и его единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками от недосыпа и постоянной боли — смотрел на тело Гидры без эмоций. Без ненависти. Без радости. Без облегчения.

— Она мертва, — сказал Шрам, и его голос был слабым, надтреснутым, как у человека, который долго не пил и не говорил, но в нём всё ещё слышалась та самая сталь, которую нельзя согнуть, нельзя сломать, нельзя расплавить даже в самом горячем пламени, даже в самом сердце Нулевого объекта. — Мы сделали это.

— Она мертва, — повторил Алекс, и его голос эхом разнёсся по залу, отражаясь от стен, возвращаясь искажённым, многократно усиленным, как будто сам зал оплакивал свою хозяйку. — Но цена...

— Цена всегда высока, — перебил Шрам, и в его голосе зазвучала сталь, которую нельзя согнуть. — В Воронке не бывает дешёвых побед. Бывают только дорогие. И очень до-

рогие. Но мы живы. Это главное.

Он замолчал. Потом добавил тише, почти шёпотом, так, что только Алекс услышал:

— Не все, но живы.

3.

Валет лежал на носилках в пяти метрах от них. Носилки были самодельными — сбиты из досок, найденных в руинах, и арматуры, которую Кремень-старший приволок из кузницы перед тем, как завал в коллекторе похоронил его, но не убил. На них можно было лежать, но нельзя было двигаться — доски скрипели, арматура впивалась в спину, оставляя синяки. Но Валет не двигался. Он не чувствовал ни досок, ни арматуры, ни боли.

Его лицо было бледным — почти белым, как полотно, как мел, как лицо мертвеца, который ещё не понял, что мёртв, который продолжает дышать, потому что привык, потому что тело не получило приказа остановиться. Глаза были закрыты, дыхание — частое, поверхностное, с лёгким присвистом, который становился громче, когда он вдыхал, и тише, когда выдыхал. На лбу — чёрные, пульсирующие вены, которые вздулись, стали похожи на червей, на корни, на те са-

мые трещины, которые появляются на старой, пересохшей земле перед тем, как она проваливается в никуда.

Правая рука — чёрная, пульсирующая, сросшаяся с «Когтями Ворона» — лежала поверх грязного, пропитанного кровью одеяла. Одеяло когда-то было серым — Лайла нашла его в старых запасах Хана, — но теперь оно стало чёрным, пропитанным кровью, слизью и болотной водой. Артефакт не пульсировал. Нет — он дышал. Ровно, медленно, как сердце спящего хищника, который наелся и теперь переваривает добычу, растягивая удовольствие на часы, на дни, на вечность.

«Когти» насытились кровью Гидры. Они взяли столько, сколько могли, и теперь затихли, перерабатывая энергию, превращая её в свою силу, в свою жизнь, в свою вечность. Валет был для них просто носителем — сосудом, через который они питались. И они не собирались отпускать его.

```
```

[«КОГТИ ВОРОНА»: БОЕВАЯ АВТОНОМИЯ 100% → 2% (ПЕРЕГРУЗКА)]

[АРТЕФАКТ НАСЫЩЕН. НОСИТЕЛЬ СТАБИЛЕН.]

[ИНТЕГРАЦИЯ: 73% (КРИТИЧЕСКАЯ ЗОНА)]

[ПРОГНОЗ: ПОЛНАЯ ПОТЕРЯ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ 72-96 ЧАСОВ БЕЗ ЛЕЧЕНИЯ]

```

Лайла сидела рядом, сжимая его левую руку. Левая рука была ещё человеческой — бледной, с тонкими белыми шрамами на костяшках, с обломанными ногтями, с едва заметными царапинами от игл, которыми она вкалывала ему стимуляторы. Она держала её, как держат руку умирающего, зная, что, возможно, это последний раз, когда ты чувствуешь тепло чужой кожи, последний раз, когда ты можешь сказать слова, которые не услышат, но которые нужно сказать.

Её лицо было бледным, почти прозрачным, под глазами залегли чёрные круги — она не спала уже больше суток, работая без остановки, переходя от одного раненого к другому, вкалывая лекарства, накладывая швы, молясь, чтобы бинтов хватило, чтобы антибиотики не кончились, чтобы те, кто ещё мог дышать, не перестали дышать. Волосы её, короткие, тёмные, прилипли ко лбу от пота и болотной влаги. Руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую она не могла остановить, потому что организм требовал отдыха, а она не могла себе его позволить.

— Он будет жить? — спросил Алекс, не оборачиваясь.

— Не знаю, — ответила Лайла, и её голос был тихим, хриплым, как у человека, который слишком долго молчал и
```

забыл, как звучит его собственная речь. — Артефакт насытился и затих. Интеграция остановилась на семидесяти трёх процентах. Если он выживет — он останется собой. Если нет — он умрёт. Или станет монстром. Я не знаю. Никто не знает.

— А если ампутировать руку?

— Поздно, — Лайла покачала головой, и её голос дрогнул — впервые за долгое время, впервые с тех пор, как она стала главным медиком клана. — «Когти» срослись с костями, с нервами, с кровеносной системой. Если отрезать руку, он умрёт от потери крови за минуту. Или от болевого шока. Или от того, что артефакт начнёт высасывать его заживо, как только почувствует, что его отрывают от источника питания. Мы опоздали. Мы опоздали, когда он впервые надел их. Мы опоздали, когда он отказался снимать их. Мы опоздали, когда он пошёл в болота. Мы всегда опаздываем.

Алекс поднялся. Ноги гудели, голова кружилась, перед глазами плыли чёрные точки — последствия потери крови, истощения, перенапряжения. Он подошёл к носилкам, посмотрел на Валета. На его бледное лицо, на его чёрную, пульсирующую руку, на его закрытые глаза. Вспомнил, как Валет уходил в разведку к Барону. Как вернулся — сломанный, израненный, с пластиной в голове, с ядом в кармане, который

не принял, потому что надеялся. Надеялся на них. На клан. На семью.

— Ты вернулся, — прошептал Алекс, и его голос был тихим, почти беззвучным, как у человека, который говорит с тем, кто не может ответить. — Ты всегда возвращаешься. Вернись и в этот раз. Мы ждём.

Он повернулся к Лайле.

— Сделай всё, что можешь. Используй последние антибиотики. Вколи ему остатки «Нейтрализатора», если это поможет. Он нужен нам живым. Даже без ноги. Даже с артефактной рукой. Даже если он больше никогда не сможет быть тенью.

— «Нейтрализатор» кончился, — ответила Лайла, и в её голосе зазвучала горечь, которую нельзя было скрыть. — Последнюю дозу ты вколол себе перед боем. У нас есть только стимуляторы и обезболивающее. И надежда. Которая умирает последней, но умирает.

— Этого достаточно, — сказал Алекс. — Этого всегда было достаточно.

Он подошёл к выходу из зала, посмотрел на серую мглу

болота, которая клубилась за разбитыми окнами лаборатории, как живая, как дышащая, как голодная. Ветер нёс запах гари, сырости и смерти — привычный запах Воронки, который смешивался с запахом горелой плоти Гидры и выхлопных газов БТР «Голоса». Запахом войны, которая никогда не кончается.

— Пора, — сказал Алекс. — Нас ждут.

4.

Волна стояла у тела последней новой головы, которую они сожгли. Голова была маленькой — размером с человеческую, с недоразвитыми челюстями и пустыми, мутными глазами, которые ещё не научились видеть, но уже чувствовали тепло, страх, кровь. Она почувствовала их, когда они вошли в зал. Она потянулась к ним, когда они начали бой. Она умерла, когда Кремень-младший и Рыжий направили на неё струю пропана и подожгли зажигалкой.

Теперь от неё осталась только чёрная, обугленная масса, которая дымилась, издавая запах горелого мяса и палёной кожи. Запах, который Волна знала слишком хорошо. Запах, который преследовал её во сне, наяву, в каждом углу Воронки, где горели костры.

Её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который потерял всё, кроме оружия, и больше не боялся потерять жизнь. Волосы её, короткие, тёмные, были зачёсаны назад, открывая высокий, бледный лоб с тонкими, почти незаметными морщинами. На шее — старый шрам, след от ножа, который она получила в первую неделю в Воронке, когда её муж был ещё жив, а дети — не умерли от голода. Тогда она думала, что это самая страшная боль в её жизни. Она ошибалась.

Она сжимала нож — свой старый, зазубренный, с потёртой рукоятью, на которой были вырезаны инициалы её мужа: «В.В.» — и смотрела на обугленные останки твари, которая отняла у неё всё. Которую они называли «Гидрой». Которую она ненавидела так сильно, что ненависть жгла изнутри, сжигала всё, что оставалось от человеческого, превращая её в оружие, в машину для убийства, в ту, кого она никогда не хотела стать.

— Ты отомстила? — спросил Клык, подходя к ней.

Он сидел на бетонном обломке в трёх метрах, перебирая пустую сумку из-под болтов. Сумка была кожаной, старой, с потёртыми краями и выцветшими нашивками — трофей из арсенала Барона, который он взял, потому что она была удобной, потому что в неё влезало ровно двадцать болтов,

потому что она напоминала ему о том, что даже у врагов есть вещи, которые можно использовать.

Последние четыре болта он потратил в этом бою. Острых не осталось. Тупых не осталось. Погнутых не осталось. Только пустота и запах пороха, который выветривался из ткани, смешиваясь с болотной вонью, с запахом горелой плоти, с запахом смерти.

— Нет, — ответила Волна, и её голос был ровным, спокойным, как у человека, который принял свою судьбу и больше не борется с ней. — Я просто убила. Месть — это когда ты чувствуешь облегчение. Я не чувствую ничего. Только пустоту.

— Это и есть месть, — сказал Клык, и его губы тронула тень усмешки — кривой, невесёлой, похожей на шрам, на трещину, на ожог. — Пустота. Ты думала, будет радость? Будет фейерверк? Будет оркестр? Нет. Будет тишина. И пустота. И запах крови, который не выветривается неделями.

— Ты мстил? — спросила Волна, поворачиваясь к нему. — Кому? За что?

Клык посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах — чёрных, пустых, без единой искры — не было ни-

чего. Только память. И боль.

— Моей семье, — ответил Клык, и его голос был тихим, почти шёпотом, как будто он боялся, что его услышат стены, которые и так знали все секреты. — «Чистильщики» убили их, когда я был в рейде. Вернулся — а дома только пепел и кровь. Я нашёл тех, кто это сделал. Убил их. Всех. До одного. Не сразу. Медленно. Чтобы они знали, за что умирают.

— И что ты почувствовал?

— Пустоту, — ответил Клык. — Такую, что хотелось выть. Такую, что хотелось умереть. Такую, что я понял: месть — это не лекарство. Это яд. Он убивает тебя медленнее, чем врага, но вернее.

Волна посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом кивнула.

— Ты прав, — сказала она. — Я думала, будет легче. Не стало.

— Станет, — ответил Клык. — Не сегодня. Не завтра. Но станет. Когда ты привыкнешь. Когда поймёшь, что месть — это не цель. Это просто шаг. Шаг к следующей битве. К следующей смерти. К следующей пустоте.

Он поднялся, подошёл к Волне, положил руку на плечо — здоровую, левую. Его пальцы были толстыми, с обломанными ногтями, покрытыми старыми, побелевшими шрамами. Но они были тёплыми. Живыми.

— Идём, — сказал Клык. — Нас ждут. И форт. И «Голос». И новая война.

5.

Кремень-младший стоял у стены, прислонившись спиной к бетону. Бетон был холодным, шершавым, покрытым слоем чёрной, блестящей плесени, которая пахла гнилью и формалином. Он не обращал внимания. Он смотрел на отца.

Кремень-старший лежал на носилках, которые они принесли с собой. Носилки были такими же, как у Валета — сбиты из досок и арматуры, неудобные, скрипучие, но отец не жаловался. Он не жаловался никогда. Даже когда завал в коллекторе похоронил его, даже когда кости трещали, а внутренности сдавливало тоннами бетона, он не закричал. Он просто закрыл глаза и ждал. Ждал, когда его найдут. Ждал, когда его спасут. Ждал, когда он сможет открыть глаза и увидеть сына.

Его лицо было бледным — почти белым, как полотно, как мел, как лицо мертвеца, который ещё не понял, что мёртв. Глаза были закрыты, дыхание — ровное, спокойное. Грудная клетка поднималась и опускалась медленно, ритмично, как у спящего. Он не приходил в себя уже третьи сутки — с тех пор, как завал в коллекторе похоронил его, но не убил. Лайла сказала, что он жив. Что мозг не повреждён. Что он может очнуться. Но когда — никто не знал.

— Он выживет? — спросил Рыжий, сидя рядом.

Его лицо было бледным, почти прозрачным, руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую он не мог остановить, потому что его организм требовал отдыха, а мозг — тишины. Но он не сбежал. Он не бросил оружие. Он нёс баллон, поджигал Гидру, помогал Кремню-младшему, не отступал, когда щупальце обвило его ногу, не закричал, когда Волна рубила его. Он сделал это. Он не был трусом.

— Не знаю, — ответил Кремень-младший, и его голос дрогнул — впервые за этот бой, впервые с тех пор, как он взял в руки зажигалку, впервые с тех пор, как он понял, что может умереть, что его жизнь ничего не стоит, если он не сможет защитить тех, кто рядом. — Но я верю. Я должен вернуть долг. Потому что если я не буду верить, я не смогу смотреть ему в глаза, когда он очнётся.

— А если не очнётся?

Кремень-младший посмотрел на Рыжего долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах — карих, почти чёрных — была не только усталость, но и что-то другое. Боль. Надежда. Страх. Та самая смесь, которая делает людей людьми, а не монстрами.

— Тогда я похороню его, — сказал Кремень-младший. — С флагом. С ножом в руке. Как воина. Как «Нулевого». Это больше, чем могут сказать о многих.

Он замолчал, потом добавил тише, почти шёпотом, так, что только Рыжий услышал:

— Но я не хочу его хоронить. Я хочу, чтобы он проснулся. И сказал мне, что я молодец. Что я не подвёл. Что я сделал всё правильно.

Рыжий хотел сказать что-то ещё, но не стал. Он просто положил руку на плечо Кремня-младшего — здоровое, левое. И они сидели так, молча, глядя на тело Кремня-старшего, которое дышало, но не жило.

6.

Гвоздь сидел на бетонном обломке в трёх метрах от входа в зал, перевязывая рану на плече. Рваная, глубокая, от щупальца, которое он рубил тесаком, когда оно пыталось обойти отряд с фланга. Кровь текла, но не сильно — Лайла обработала рану антисептиком и наложила швы, когда они ещё были в зале, пока другие добивали Гидру. Ему повезло. Щупальце не успело впрыснуть яд, или у него был иммунитет, или просто тварь была слишком слаба, чтобы парализовать жертву. Он не знал. Ему было всё равно. Он был жив. Это главное.

Тихий сидел рядом, прислонившись спиной к колонне, и смотрел в потолок. Потолок был бетонным, серым, с трещинами, из которых сочилась вода, собиралась в капли, срывалась вниз с мерным, гипнотическим звуком. Кап. Кап. Кап. Как секундная стрелка часов, отсчитывающих время до смерти.

Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз, который видел столько смертей, что перестал бояться, и не боялся уже ничего, кроме тишины. Тишина для него была пыткой. Тишина означала, что что-то не так. Что опасность затаилась. Что смерть близко.

Но сейчас не было тишины. Был запах горелой плоти, бы-

ли стоны раненых, был треск аварийных ламп, которые мигали, создавая нервный, дерганый ритм теней на стенах, похожий на сердцебиение испуганного зверя.

— Мы победили, — сказал Тихий, и его голос был тихим, почти беззвучным, но Гвоздь услышал.

— Мы выжили, — ответил Гвоздь, затягивая узел на повязке. — Это разные вещи.

— Какая разница?

— Победа — это когда ты идёшь дальше. Выживание — это когда ты остаёшься на месте и ждёшь, пока раны заживут. Мы не можем идти дальше. У нас нет ног. У нас нет рук. У нас нет патронов. Мы будем ждать. И надеяться, что враг не нападёт, пока мы лечимся.

— А если нападёт?

Гвоздь усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ. Усмешка была как шрам, как трещина, как ожог.

— Тогда умрём, — ответил он. — Но умрём не как крысы в норе. Как воины. С оружием в руках. С именами на устах.

Он поднялся, подошёл к выходу из зала, посмотрел на серую мглу болота, которая клубилась за разбитыми окнами лаборатории, как живая, как дышащая, как голодная.

— Пора, — сказал Гвоздь. — Нас ждут.

Часть вторая. Осколок Гидры

7.

Клык заметил его случайно. Он сидел на бетонном обломке, перебирая пустую сумку — уже в десятый раз, наверное, надеясь, что болты каким-то чудом появятся снова, что он ошибся, что они завалились в складку, застряли в подкладке, выпали на землю и ждут, когда их поднимут. Но сумка была пуста. Абсолютно. Как и его надежда.

Он уже хотел отбросить её в сторону, когда что-то блеснуло в груде разлагающейся плоти Гидры. Чёрный, пульсирующий свет. Мерцающий, как звезда, как маяк, как предупреждение. Он замер, прищурился, пытаясь разглядеть, что это. Сначала подумал — осколок арматуры, отражающий свет аварийных ламп. Потом — кусок стекла, который каким-то чудом уцелел во взрыве реактора. Потом понял — нет. Это было нечто иное.

Он подошёл ближе, наклонился, пригляделся.

В центре чёрной, маслянистой массы, там, где когда-то было сердце твари, лежал камень. Маленький, размером с кулак, с чёрной, блестящей поверхностью, покрытой фиолетовыми прожилками, которые пульсировали в такт его сердцу. Камень был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о чём-то, чего никогда не было, но что хотелось бы забыть. Он лежал в углублении, которое, вероятно, было когда-то камерой сердца, и пульсировал в такт чему-то, чего Клык не мог слышать, но чувствовал всем телом.

— Алекс, — позвал Клык, и его голос эхом разнёсся по залу. — Ты должен это видеть.

Алекс подошёл. Посмотрел на камень. Его интерфейс мигнул красным — ярко, тревожно, как сигнал тревоги, как предупреждение о том, что сейчас произойдёт что-то, что изменит всё.

```
[ОБНАРУЖЕН АРТЕФАКТ: ОСКОЛОК ГИДРЫ]
[РЕДКОСТЬ: ЛЕГЕНДАРНЫЙ]
[ЭФФЕКТ: РЕГЕНЕРАЦИЯ 5 ОЗ/МИНУТУ (ПАССИВНО)]
[ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ: ИНТЕГРАЦИЯ +1% В ЧАС
```

(НЕОБРАТИМО)]

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: НОСИТЕЛЬ ПОТЕРЯЕТ ЛИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ 72-96 ЧАСОВ]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ. УНИЧТОЖИТЬ ИЛИ ИЗОЛИРОВАТЬ.]

```

— Осколок Гидры, — прочитал Алекс вслух, и его голос был ровным, спокойным, но в нём слышалась усталость, которую нельзя было скрыть. — Регенерация. Но медленно убивает носителя. Как «Нейтрализатор». Как «Когти Ворона». Как моя чёрная рука. Всё в этом мире требует плату. Даже победа.

— Что будем делать? — спросил Клык, не отрывая взгляда от камня.

— Заберём с собой, — ответил Алекс. — Спрячем. Изучим. Может быть, Архивариус найдёт способ использовать его без вреда. Или превратить в оружие. Или уничтожить. Но сейчас — заберём.

Он наклонился, протянул левую руку к осколку. Камень был горячим — слишком горячим для мёртвого предмета. Он пульсировал в его руке, как сердце, как второй осколок, как чужой, голодный организм, который искал носителя, ис-
```

кал кровь, искал жизнь. Алекс почувствовал, как энергия проникает сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости, находит отклик в осколке, который пульсировал в его груди, и они начинают переговариваться на языке, которого он не понимал, но который чувствовал всем телом.

```
[Алекс: контакт с Осколком Гидры]
[ИНТЕГРАЦИЯ: 68% → 69%]
[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ДЛИТЕЛЬНЫЙ КОНТАКТ УСКОРЯЕТ ИНТЕГРАЦИЮ]
[РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИЗОЛИРОВАТЬ АРТЕФАКТ В СВИНЦОВЫЙ КОНТЕЙНЕР]
```

Алекс отшатнулся, выпустил камень. Он упал в воду, поднимая фонтан грязи и слизи. Чёрный свет пульсировал, но тише, спокойнее, как будто осколок понял, что его не возьмут просто так, что носитель сопротивляется, что придётся ждать, искать другой момент, другую возможность.

— Контейнер, — сказал Алекс, вытирая руку о штаны. — Нужен свинцовый контейнер. Как для «Клейма». Как для «Нейтрализатора». Как для всего, что убивает нас медленно, но верно.

Клык кивнул. Он достал из сумки маленький, свинцовый футляр — тот самый, который Шило сделал для хранения опасных артефактов, тот самый, в котором они когда-то принесли «Клеймо» для Когтя, тот самый, который, как он надеялся, никогда больше не понадобится. Открыл, поднял осколок пинцетом — длинным, стальным, с острыми концами, которые не проводили энергию, с резиновыми ручками, которые изолировали от контакта. Положил в футляр. Закрыл. Щёлкнул замком.

```
[АРТЕФАКТ «ОСКОЛОК ГИДРЫ»: ИЗОЛИРОВАН]
[ИНТЕГРАЦИЯ АЛЕКСА: 69% (СТАБИЛИЗАЦИЯ)]
```

— Готово, — сказал Клык, пряча футляр в сумку. — Отдам Архивариусу. Пусть изучает. Может быть, найдёт способ выжать из него пользу без вреда.

— А если не найдёт?

— Тогда уничтожим, — ответил Клык. — Как Гидру. Как Угля. Как Пророка. Как всех, кто встаёт на нашем пути.

Алекс посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Вспомнил, как Клык стрелял в Гидру, как не промахнулся,

как не сдался, как перезаряжал арбалет дрожащими руками, когда болты кончались, как матерился, когда регенерация твари сводила на нет его усилия. Вспомнил, как Купол учил его: «Оружие — это не сталь. Оружие — это воля. Если ты не можешь убить врага одним ударом, убей его десятью. Если не можешь десятью — убей сотней. Главное — не останавливайся».

— Хорошо, — сказал Алекс. — Идём.

Часть третья. Последняя линия

8.

Болото встретило их тишиной. Не той, мирной, которая бывает перед рассветом в лесу, где птицы начинают петь, а ветер стихает, предчувствуя тепло. Здесь тишина была больной, гнилой, беременной смертью. Она давила на барабанные перепонки, заставляла сердце биться чаще, а пальцы — бессознательно искать рукоять ножа, проверяя, не выпал ли он от напряжения.

Форт виднелся вдали — серый, бетонный, пульсирующий огнями аварийных ламп, которые зажгли на стенах, чтобы осветить путь раненым. Дым поднимался над крышами — кухня работала, готовила еду для тех, кто вернулся, варила

похлёбку из концентратов, которых оставалось на два дня, пекла хлеб из муки, которую мололи вручную, из старых, довоенных запасов, которые Хан прятал в подвалах форта и которые Алекс нашёл только вчера. Ворота были открыты — Архивариус не стал их закрывать, потому что если «Голос» нападёт, стены не спасут. Спасут только люди. И вера.

Алекс шёл первым, сжимая «Рассекатель» в левой руке. Правая висела плетью — перебитая ключица, разорванные связки, сломанная рука, которую Лайла перетянула жгутом выше локтя, чтобы остановить кровотечение, и зафиксировала шиной из арматуры и бинтов. Он не чувствовал пальцев. Он не чувствовал кисти. Он чувствовал только тупую, пульсирующую боль, которая поднималась к плечу, к шее, к затылку, смешиваясь с гулом системы.

Интерфейс показывал уровень опасности: красный — критический. Враги были рядом. Тридцать бойцов. Три БТР. Ликвидатор. «Голос». Он знал, что они не ушли. Они отступили, перегруппировались, ждали. Ждали, когда отряд выйдет из болота, ослабленный, израненный, без патронов, без сил, без надежды. Ждали, чтобы добить.

За ним шли остальные. Клык нёс рацию, слушая эфир, отслеживая передвижения «Голоса», записывая частоты, на которых они переговаривались, пытаясь понять их планы, их

намерения, их слабые места. Его лицо было бледным, но глаза — чёрными, пустыми — горели. Он не боялся. Или боялся, но не показывал.

Шрам опирался на тесак, как на посох, и его единственный глаз смотрел вперёд, на ворота форта, на дом, на надежду. Он хромал — рана на ноге, которую он получил, когда щупальце обвило его колено и сжало, сломав кость, — но не останавливался. Потому что если он остановится, он умрёт. А если он умрёт, его смерть будет напрасной.

Волна сжимала нож, её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который потерял всё, кроме оружия, и больше не боялся потерять жизнь. Она шла рядом с Шрамом, готовая прикрыть его, если «Голос» нападёт, если солдаты выйдут из тумана, если начнётся новый бой.

Тихий и Гвоздь несли носилки с Валетом. Валет был без сознания — его лицо было бледным, почти прозрачным, с чёрными, пульсирующими венами на правой руке. «Когти» не пульсировали. Они спали. Лайла шла рядом, вкалывая ему стимуляторы, проверяя пульс, молясь, чтобы он не остановился снова. Её руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую она не могла остановить, потому что организм требовал отдыха, а она не могла себе его позволить.

Кремень-младший и Рыжий тащили баллоны — пустые, бесполезные, но они не могли их бросить, потому что это было всё, что у них осталось от боя, всё, что напоминало им о том, что они сделали, что они не были бесполезными, что они помогли.

9.

«Голос» встретил их на подходе к форту.

Он стоял на вершине холма, в окружении своих солдат — тридцать человек в чёрной броне, с арбалетами в руках и масками на лицах. Броня была новой — без царапин, без вмятин, без следов боев. Она блестела в тусклом свете, как полированная сталь, как зеркало, в котором отражались лица тех, кто шёл на смерть.

Три БТР замерли у подножия, их двигатели урчали, дизельное топливо смешивалось с болотной вонью, создавая коктейль, от которого першило в горле, а глаза слезились. Стволы пулемётов были направлены на отряд — чёрные, пульсирующие, готовые к выстрелу.

«Голос» был в центре — высокий, худой, в чёрном плаще, с лицом, скрытым маской из чёрного, блестящего пластика, с голубоватыми прожилками, которые пульсировали в такт

его дыханию. Маска была гладкой, без единой трещины, без единой царапины, без единого отверстия для глаз. Казалось, человек за ней не нуждался в глазах. Он видел иначе. Он видел сквозь стены, сквозь время, сквозь смерть.

— Алекс, — сказал он, и его голос был усилен динамиками, встроенными в маску, и звучал механически, неестественно, как у робота, который пытается изобразить человеческую речь, но не может. — Я думал, ты умрёшь в болотах. Оставишь мне свой форт. Своих людей. Свою девочку с камнем. Но ты выжил. Как всегда. Это начинает меня утомлять.

Алекс остановился. Отряд замер за его спиной.

— Уйди с дороги, — сказал Алекс, и голос его был ровным, спокойным, но в нём слышалась сталь, которую нельзя согнуть, нельзя сломать. — Я не хочу убивать тебя сегодня. Я устал. Мой клан устал. Мы хотим домой. Дай нам пройти.

— Домой? — «Голос» усмехнулся — сухо, безрадостно, одними уголками губ, скрытых маской, но усмешка была слышна в голосе. — Это не дом. Это — могила. Вы просто не поняли этого. Вы живёте в руинах, едите гниль, пьёте воду из коллектора. Вы — не люди. Вы — отбросы. Я пришёл очистить Воронку от таких, как вы. «Чистилище» начинается сегодня. Не с Гидры — с тебя.

Он поднял руку. Солдаты подняли арбалеты.

10.

И в этот момент из-за спин отряда вышла девочка с камнем.

Она была маленькой — лет десяти, не больше, — в грязной, рваной одежде, босая, с растрёпанными волосами. В руке она сжимала свой камень — гладкий, тёплый, с едва заметными царапинами, которые появлялись с каждым новым днём, с каждым новым страхом. А на лбу у неё пульсировала чёрная метка — остаточная энергия Пророка, которая не рассеялась, а, казалось, питалась страхом и надеждой, страхом и верой, страхом и любовью.

Она смотрела на «Голоса» без страха. Без колебаний. Без сомнений. Она ненавидела его. Ненавидела за то, что он хотел отнять у неё единственное, что у неё осталось — надежду. Ненавидела за то, что он заставлял её бояться. Ненавидела за то, что он был воплощением всего того, что она ненавидела в Воронке.

— Ты лжёшь, — сказала она, и её голос был громким, звонким, недетским. — Ты боишься. Я вижу. Твоё сердце

колотится. Твои руки дрожат. Ты знаешь, что если нападёшь сейчас — умрёшь. Потому что он сильнее. Потому что они сильнее. Потому что мы — «Нулевые». А «Нулевые» не сдаются.

Чёрная метка на её лбу вспыхнула.

Свет был ослепительным — фиолетово-чёрным, пульсирующим, живым. Он вырвался из её лба, как луч, как молния, как сама Нулевая энергия, и ударил в солдат «Голоса». Они замерли, схватившись за головы, закричали, упали на колени. Их интерфейсы мигали красным, сыпали предупреждениями, сходили с ума. Арбалеты выпали из рук, звеня о камни, о землю, о воду.

```
[НЕИЗВЕСТНЫЙ ПСИ-ИМПУЛЬС: ИСТОЧНИК — ДЕВОЧКА]
[ПОДАВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕЙСОВ ПРОТИВНИКА: 15 СЕКУНД]
[СОЛДАТЫ «ГОЛОСА»: ДЕЗОРИЕНТАЦИЯ, ПОТЕРЯ КОНТРОЛЯ]
```

«Голос» замер. Его маска пульсировала — тускло, медленно, как сердцебиение. Он смотрел на девочку, и в его пу-

стых, чёрных глазницах не было ничего — только удивление. И страх. Чистый, незамутнённый, животный страх, который не поддаётся контролю.

— Что это? — прошептал он. — Что это, чёрт возьми?

— Это надежда, — ответил Алекс.

Он поднял «Рассекатель» над головой. Клинок пульсировал красным, смешиваясь с фиолетово-чёрным светом, который исходил от девочки, создавая причудливые, пульсирующие узоры, похожие на северное сияние, на кровь, на саму смерть.

— Уходи, — сказал Алекс. — Пока я не передумал.

«Голос» смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом махнул рукой. Солдаты поднялись, подобрали арбалеты, отступили к БТР. Двигатели заурчали громче, и машины начали разворачиваться, уходя в серую мглу, в никуда, в ничто.

— Ты умрёшь, Алекс, — сказал «Голос», исчезая в тумане. — Не сегодня. Не завтра. Но ты умрёшь. И твоя вера умрёт вместе с тобой.

— Посмотрим, — ответил Алекс.

11.

Форт встретил их огнями и запахом дыма.

Ворота были открыты настежь — Архивариус не стал их закрывать, потому что если «Голос» нападёт, стены не спасут. Спасут только люди. И вера.

Женщины и дети стояли у входа, сжимая в руках факелы, освещая путь раненым. Их лица были бледными, глаза — мокрыми, но никто не плакал. В Воронке плачут только те, у кого есть кто-то, кто вытрет слёзы. У них никого не было. Кроме друг друга.

Старик — тот, что привёл беженцев из лагеря «Ткачей», — стоял в первом ряду, опираясь на палку, и его белые, пустые глаза смотрели на Алекса. На лбу всё ещё пульсировала чёрная метка — остаточная энергия Пророка, которая не рассеялась, а, казалось, питалась страхом и надеждой. Он не сказал ни слова. Он просто смотрел. И ждал.

Архивариус стоял у ворот, сжимая в руках планшет, и его лицо было бледным — почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках. Под глазами залегли глубокие, тёмные круги — он не спал уже больше суток, расшифровы-

вая файлы, готовя карты, анализируя риски.

— Потери? — спросил Архивариус, когда Алекс подошёл.

— Все живы, — ответил Алекс. — Почти все. Валет в критическом состоянии. Шрам без сознания. Кремень-младший, Гвоздь — ранены. Но живы.

Архивариус кивнул. Он открыл планшет, начал вводить данные.

```
[ПОТЕРИ «НУЛЕВЫХ»: 0 УБИТЫХ, 6 ТЯЖЕЛОРАНЕНЫХ, 4 ЛЕГКОРАНЕНЫХ]
[ГИДРА: УНИЧТОЖЕНА]
[«ГОЛОС»: ОТСТУПИЛ]
[РЕСУРСЫ: ЕДА — НА 2 ДНЯ, ВОДА — НА 1 ДЕНЬ, БОЕПРИПАСЫ — 0]
```

— Мы победили? — спросил Архивариус, и его голос дрогнул.

— Нет, — ответил Алекс, глядя на юг, туда, где в серой мгле болот догорало тело Гидры. — Мы просто выжили. Это в Воронке — уже победа.

Он повернулся к форту, к дому, к надежде.

— Идём, — сказал Алекс. — Нас ждут.

Часть четвёртая. Ночь после бури

12.

Лазарет был забит до отказа.

В тесном, сыром помещении, где когда-то хранились инструменты, а потом — боеприпасы, теперь лежали раненые. Шесть тяжелораненых, четыре легкораненых. Воздух был спёртым, тяжёлым, пахнущим йодом, кровью и той особенной, сладковатой гнилью, которая появляется, когда раны начинают воспаляться, а антибиотиков не хватает.

Валет лежал на койке в дальнем углу, бледный, почти прозрачный, с чёрными, пульсирующими венами на правой руке. «Когти» больше не пульсировали. Они были спокойны. Сыты. Довольны. Лайла сидела рядом, сжимая его левую руку, и её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели.

— Он будет жить? — спросил Алекс, стоя в дверях.

— Не знаю, — ответила Лайла, не поднимая головы. — Артефакт насытился и затих. Интеграция остановилась на семидесяти трёх процентах. Если он выживет — он останется собой. Если нет — он умрёт. Или станет монстром. Я не знаю. Никто не знает.

— А если ампутировать руку?

— Поздно, — Лайла покачала головой. — «Когти» срослись с костями, с нервами, с кровеносной системой. Если отрезать руку, он умрёт от потери крови за минуту. Или от болевого шока. Или от того, что артефакт начнёт высасывать его заживо. Мы опоздали.

Алекс подошёл к койке, посмотрел на Валета. На его бледное лицо, на его чёрную, пульсирующую руку, на его закрытые глаза. Вспомнил, как Валет уходил в разведку к Барону. Как вернулся — сломанный, израненный, с пластиной в голове, с ядом в кармане, который не принял, потому что надеялся. Надеялся на них. На клан. На семью.

— Ты вернулся, — прошептал Алекс. — Ты всегда возвращаешься. Вернись и в этот раз. Мы ждём.

13.

Шрам лежал на соседней койке, бледный, почти прозрачный, с чёрными прожилками под глазами и губами, потрескавшимися от напряжения. Его единственный глаз был закрыт, но тесак он не выпускал. Даже без сознания. Даже умирая. Пальцы его были белыми от напряжения, сжимающими рукоять так, что, казалось, кости вот-вот хрустнут.

— Он будет жить? — спросил Алекс у Лайлы.

— Да, — ответила Лайла. — Ему повезло. Раны неглубокие. Кости целы. Через неделю встанет. Через две — будет драться.

— Хорошо, — сказал Алекс.

Он подошёл к окну, посмотрел на пустошь. Ночь была чёрной, беззвёздной, и только ветер выл в стенах, завывал в пустых оконных проёмах, бросал в лицо мелкий, колючий пепел.

Где-то там, на юге, в болотах, догорало тело Гидры. Она была мертва. Но «Голос» был жив. И он вернётся. Не сегодня. Не завтра. Но вернётся. И они должны быть готовы.

14.

Девочка с камнем стояла у входа в столовую, сжимая свой талисман. Её глаза — огромные, серые — смотрели на Алекса, и в них не было страха. Была надежда.

— Ты вернулся, — сказала она. — Я знала.

— Как и обещал, — ответил Алекс, опускаясь на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне.

Она протянула ему камень.

— Держи. Он защищает. Ты нужен нам живым.

Алекс взял камень. Он был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет. Он сунул его в карман, рядом с зубом Пса.

— Спасибо, — сказал Алекс.

— Не благодари, — ответила девочка. — Выживешь — расквитаешься.

Она улыбнулась — впервые за много дней, с тех пор как они пришли в форт, с тех пор как она потеряла родителей, с тех пор как она поняла, что мир никогда не будет прежним.

Алекс поднялся и пошёл к выходу.

15.

Алекс стоял на стене форта и смотрел на юг. Ночь была чёрной, беззвёздной, и только ветер выл в стенах, завывал в пустых оконных проёмах, бросал в лицо мелкий, колючий пепел.

Интерфейс мигнул в последний раз.

```
[ГИДРА: УНИЧТОЖЕНА]
[«ГОЛОС»: ОТСТУПИЛ]
[КЛАН: ВОССТАНОВЛЕНИЕ (3-5 ДНЕЙ)]
[РЕСУРСЫ: КРИТИЧЕСКИ НИЗКИЕ]
[НОВАЯ ЦЕЛЬ: ВЫЖИТЬ]
```

Алекс сжал «Рассекатель» в левой руке. Правая — мёртвая, бесполезная — висела плетью.

Он закрыл глаза. Открыл.

И остался на стене — ждать рассвета, ждать новых боёв,

ждать того, что принесёт им Воронка.

Потому что Воронка не кончалась никогда.

И «Нулевые» менялись вместе с ней.

16.

Глубоко под землёй, в нижних уровнях лабораторного комплекса «Генезис», тело Гидры разлагалось. Чёрная, маслянистая жижа растекалась по бетонному полу, просачивалась в трещины, в щели, в старые трубы, уходя в никуда, в ничто, в саму смерть.

Но в центре этого разложения, там, где когда-то было сердце твари, пульсировал маленький, чёрный камень. Осколок, который Алекс забрал с собой. Но был ли он единственным?

Из глубины, из-под слоя гниющей плоти, вырвался слабый, фиолетовый свет. Маленький, едва заметный, но живой. Ещё один осколок. Или остаток. Или начало.

Гидра была мертва. Но Нулевая энергия не умирала. Она ждала. Она всегда ждала.

Она ждала нового носителя.

И она найдёт его.

```
[ИТОГ ГЛАВЫ 62: ГИДРА ПАЛА]

[КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ]

- Отряд добивает остатки Гидры в реакторном зале.
- Алекс получает 17 уровень, опыт +800.
- Обнаружен и изолирован Осколок Гидры (легендарный артефакт).
- «Голос» с отрядом преграждает путь к форту.
- Девочка с камнем проявляет пси-импульс, вынуждая «Голоса» отступить.
- Все раненые доставлены в форт, начато лечение.
- Клан приступает к восстановлению (3-5 дней).

[ПОТЕРИ «НУЛЕВЫХ»]

- Убитых: 0.
- Тяжелораненые: Валет (интеграция 73%, без сознания), Шрам (сотрясение, старая рана), Кремень-младший (слома-
```

на левая рука), Гвоздь (рваная рана плеча).

- Легкораненые: Клык (сотрясение), Волна (царапины), Рыжий (ушибы).

- Алекс: правая рука сломана (10-14 дней лечения), потеря крови, истощение.

[СОСТОЯНИЕ КЛАНА]

- Мораль: низкая, но стабильная (победа над Гидрой даёт надежду).

- Ресурсы: еда — на 2 дня, вода — на 1 день, боеприпасы — 0.

- Статус Алекса: уровень 17, интеграция 69%, правая рука неработоспособна.

[НОВЫЕ УГРОЗЫ]

- «Голос» отступил, но не уничтожен — готовит новую атаку.

- Интеграция Валета (72-96 часов до потери личности без лечения).

- Осколок Гидры требует решения (использовать, уничтожить, изучить).

- Ресурсы на исходе (голод, жажда, отсутствие боеприпасов).

[ЗАДЕЛ НА ГЛАВУ 63]

- Поиск ресурсов (вылазка в пустошь или переговоры с нейтральными кланами).
- Лечение Валета (поиск способа снизить интеграцию).
- Изучение Осколка Гидры Архивариусом.
- Девочка с камнем — её способности усиливаются.
- Подготовка к новой атаке «Голоса».
- Новый навык Алекса (разблокировка).

```

---

ГЛАВА 63. ТРОФЕИ ГИДРЫ

Часть первая. Мясник и его жертва

1.

Рассвет над болотами был серым, как старая, застиранная ткань, которой накрывают трупы, когда нет времени копать могилы. Ветер дул с востока, неся с собой запах гари, сырости и той особенной, сладковатой вони, которая поднимается от разлагающейся плоти, когда солнце начинает припекать, а черви — просыпаться. Алекс стоял на краю возвышенности, глядя на тело Гидры, которое чернело на фоне
```

мутного, гнилого неба, как гора, как проклятие, как напоминание о том, что победа не бывает чистой.

Отряд вернулся на место битвы на рассвете. Архивариус настоял: ресурсов нет, а тело Гидры — это клад, который нельзя оставлять гнить в болоте. «Шкура, яд, мясо, — перечислял он, водя пальцем по планшету, где цифры ресурсов давно стали красными, почти чёрными. — Еда кончится через два дня. Антибиотики — через день. Патронов нет. Если мы не возьмём то, что принадлежит нам по праву победителей, мы умрём от голода быстрее, чем «Голос» вернётся с новым отрядом».

Алекс смотрел на тушу. Вчера она казалась меньше. Наверное, потому, что он был в огне боя, в том состоянии, когда время замедляется, а мир сжимается до размеров клинка, пасти, удара. Сегодня, в холодном, сером свете утра, Гидра была огромной. Метров пятнадцать в диаметре, с чёрной, блестящей кожей, которая, даже мёртвая, отливала маслянистым, фиолетовым блеском. Отрубленные шеи — шесть штук, с культями, из которых всё ещё сочилась чёрная, густая жидкость, похожая на нефть, на смолу, на ту самую тьму, что пульсировала в его правой руке, — торчали в разные стороны, как обрубки деревьев после урагана. Щупальца — те, что не отрубили, — лежали в воде, наполовину погружённые в чёрную, маслянистую жижу, и казались спящими

змеями, которые ждут, когда их потревожат.

Правая рука висела на перевязи — новая, которую Лайла смастерила из старого, рваного брезента и арматуры, замотанной бинтами, чтобы фиксировать сломанные кости, разорванные связки, повреждённые нервы. Лайла сказала: «Если будешь нагружать, руку придётся отрезать. Не через месяц — через неделю. Некроз начнётся быстрее, чем ты думаешь». Алекс кивнул. Он не собирался нагружать. У него была левая рука. И «Рассекатель». Этого достаточно.

Интерфейс пульсировал перед глазами, выводя параметры, от которых хотелось выть.

```
[РЕСУРСЫ КЛАНА]
[ЕДА: 2 ДНЯ]
[ВОДА: 1 ДЕНЬ]
[БОЕПРИПАСЫ: 0]
[МЕДИКАМЕНТЫ: 1 ДЕНЬ]

[ТРОФЕИ ГИДРЫ (ПРОГНОЗ)]
[ШКУРА: 5 КОМПЛ. БРОНИ (ОЗ +30)]
[ЯД: 20 ДОЗ ДЛЯ СТРЕЛ (ДОП. УРОН 15)]
[МЯСО: 30 ДНЕЙ ЕДЫ НА КЛАН]
[РЕПУТАЦИЯ: ВСЕ КЛАНЫ РЕГИОНА ЗНАЮТ О ПО-
```

БЕДЕ]

‵‵‵

Тридцать дней еды. Пять комплектов брони. Яд, который может повернуть ход любой битвы. Цена — несколько часов работы среди разлагающейся плоти, запах, который будет преследовать их ещё неделю, и риск, что «Голос» вернётся раньше, чем они закончат. Алекс знал: они не могут позволить себе уйти. Слишком многое поставлено на карту.

— Начинаем, — сказал он, и голос его эхом разнёсся по болоту, отражаясь от мёртвых деревьев, возвращаясь искажённым, многократно усиленным. — Клык, Гвоздь, Кремень-младший — шкура. Лайла, Майя — яд и железы. Волна, Рыжий — мясо. Я и Шрам — контроль. Вопросы?

Вопросов не было.

2.

Первыми к туше подошли мясники.

Волна шла впереди, сжимая нож. Её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который видел столько смертей, что перестал бояться, и не боялся уже ничего, кроме тишины. Тишина для неё была пыткой. Тишина означа-

ла, что что-то не так. Что опасность затаилась. Что смерть близко. Но сейчас не было тишины. Был запах, был хлюпающий звук шагов по чёрной, маслянистой воде, был стук её собственного сердца — ровный, спокойный, как у человека, который уже всё решил.

Рыжий шёл за ней, сжимая в руках большой, самодельный нож — кусок арматуры, заточенный о камень, с рукоятью, обмотанной грязной, промасленной тряпкой. Его лицо было бледным, почти прозрачным, руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую он не мог остановить, потому что его организм требовал отдыха, а мозг — тишины. Но он не сбежал. Он нёс баллон, поджигал Гидру, помогал Кремню-младшему, не отступал, когда щупальце обвило его ногу. Он сделал это. Он не был трусом.

— Ты когда-нибудь разделывал тушу? — спросила Волна, не оборачиваясь.

— Крыс, — ответил Рыжий, и его голос дрожал. — И Бегунов. Один раз — нетопыря. Но такого... такого никогда.

— Никто из нас не разделывал такого, — сказала Волна, останавливаясь у края туши. — Будешь учиться. Первый урок: не смотри на тварь как на живое существо. Смотри на неё как на мясо. Как на еду. Как на шкуру. Если начнёшь ду-

мать, что она была живой, чувствовала, боялась — остановишься. А если остановишься — умрёшь с голоду. Или хуже — убьют «Голоса», когда ты будешь слишком слаб, чтобы держать нож.

Рыжий кивнул. Он подошёл к туше, вдохнул запах — и его вырвало.

Он стоял на коленях в чёрной, маслянистой воде, и его рвало желчью, горечью, всем, что осталось в желудке после вчерашнего ужина — жидкой похлёбки из концентратов, которую Матрёна сварила перед боем. Запах был невыносимым — смесь сероводорода, аммиака и сладковатой гнили, которая вызывала тошноту, головокружение, желание бежать, не оглядываться, забыть этот день как страшный сон.

Волна не обернулась. Она не сказала: «Держись». Не сказала: «Бывает». Не сказала: «Привыкнешь». Она просто ждала. И когда Рыжий перестал давиться, вытер рот рукавом и поднялся, она сказала:

— Второй урок: не останавливайся. Даже если тошнит. Даже если болит. Даже если кажется, что сейчас умрёшь. Делай. И делай. И делай. Пока не кончишь или не кончится работа.

Она наклонилась, вонзила нож в тушу — в то место, где броня была тоньше всего, в подмышечную впадину щупальца, где кожа напоминала пергамент, старый, высохший, почти прозрачный. Кровь не брызнула — она вытекла, чёрная, густая, маслянистая, как старая, застоявшаяся нефть. Запах усилился. Рыжий зажал нос, но не отвернулся.

— Режь здесь, — сказала Волна, показывая. — По шву. Не торопись. Если поторопишься — порежешь шкуру. А шкура — это броня. Это жизнь. Твоя жизнь. Твоих товарищей. Не торопись.

Рыжий вонзил нож. Кожа поддалась — не сразу, с трудом, как старая, продубленная кожа, которую не брали даже острые клинки. Он нажал сильнее, и лезвие вошло глубже, разрезая слой за слоем, открывая чёрную, пульсирующую плоть, которая дышала, даже мёртвая. Он резал, и его руки дрожали, но он не останавливался.

3.

Клык, Гвоздь и Кремень-младший работали с другой стороны туши. Их задача была сложнее: снять шкуру целиком, не повредив, не порвав, не испортив те места, которые можно будет использовать для брони. Клык командовал, хотя сам не умел разделывать туши — он был стрелком, а не мясником.

Но он был старшим по званию, и его слово было законом.

— Режьте полосами, — сказал Клык, показывая на шкуру. — Ширина — метр, длина — два. Не больше. Если отрежете больше — шкура потеряет прочность. Если меньше — не хватит на нагрудник.

Гвоздь кивнул. Он работал молча, как всегда. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз, который видел столько смертей, что перестал бояться, и не боялся уже ничего, кроме тишины. Тишина для него была пыткой. Тишина означала, что что-то не так. Что опасность затаилась. Что смерть близко. Но сейчас не было тишины. Был скрежет ножа о кожу, был плеск воды, было дыхание товарищей — ровное, спокойное, как у людей, которые делают тяжёлую, грязную работу, но знают, что она нужна.

Кремень-младший работал левой рукой — правая была сломана, замотана в бинты, висела на перевязи. Он резал медленно, неуклюже, злился на себя, на свою беспомощность, на боль, которая пульсировала в сломанной руке при каждом движении. Но он не останавливался. Потому что если он остановится, кто-то другой сделает его работу. А он не хотел, чтобы кто-то другой делал его работу. Он хотел быть полезным. Хотел доказать, что он не обуза, что он — «Нуле-

вой», что он заслужил место в этом отряде.

— Ты медленно режешь, — сказал Клык, глядя на Кремня-младшего.

— Я левшой режу, — ответил Кремень-младший, и в его голосе не было обиды — была усталость. — Не привык. Но привыкну.

— Привыкай быстрее. У нас мало времени.

Кремень-младший сжал нож так, что побелели костяшки пальцев, и вонзил его в шкуру с такой силой, что лезвие прошло насквозь, разрезав не только кожу, но и мышцу под ней. Кровь хлынула — чёрная, густая, пахнущая озоном и железом. Она залила его руки, одежду, лицо. Он не отшатнулся. Он вытер лицо рукавом и продолжил резать.

4.

Лайла и Майя работали в стороне от всех, у основания шеи, где, по словам Архивариуса, должны были находиться ядовитые железы Гидры. Архивариус не ошибался — он редко ошибался в таких вещах. Железы были огромными — каждая размером с человеческую голову, пульсирующие, фиолетовые, с чёрными, маслянистыми прожилками, кото-

рые вздувались, как вены, как корни, как те самые трещины, которые появляются на старой, пересохшей земле перед тем, как она проваливается в никуда.

Майя надела перчатки — старые, кожаные, с прорезями на пальцах, которые Лайла зашила перед выходом. Она держала в руках стеклянную колбу — единственную, которая осталась в лаборатории «Общины», — и ждала, когда Лайла разрежет железу.

— Осторожнее, — сказала Майя, и её голос был ровным, спокойным, как у человека, который привык к кислотам, ядам, взрывчатым веществам и знал, что одно неверное движение может убить. — Яд Гидры нестабилен. На воздухе окисляется за минуту. Если прольёшь на кожу — некроз начнётся через десять секунд. Если вдохнёшь — лёгкие свернутся.

— Ты всегда такая оптимистка? — спросила Лайла, разрезая железу.

Жидкость хлынула — мутная, желтоватая, с зеленоватым отливом, пахнущая хлоркой и чем-то сладковатым, приторным, как запах гниющих цветов. Лайла успела подставить колбу, и яд потек внутрь, наполняя стекло мутным, пузырящимся содержимым. Колба нагрелась — Лайла почувство-

вала тепло даже сквозь перчатки. Стекло запотело, покрылось трещинами, но не лопнуло.

— Я реалистка, — ответила Майя, закупоривая колбу пробкой — резиновой, старой, с выцветшими цифрами, которые когда-то означали срок годности, а теперь не означали ничего. — В Воронке оптимизм убивает быстрее, чем яд. Реализм — единственная стратегия выживания. Ты знаешь это лучше меня.

Лайла не ответила. Она смотрела на колбу, на мутную, пузырящуюся жидкость, и думала о Валете. О том, что, возможно, этот яд мог бы остановить интеграцию «Когтей». Убить артефакт, прежде чем он убьёт носителя. Или убить носителя, прежде чем он станет монстром. Она не знала. Она ничего не знала.

— Сколько у нас яда? — спросила Лайла, убирая колбу в сумку.

— Двадцать доз, — ответила Майя, очищая железу от остатков слизи. — Если разбавить — тридцать. Хватит для стрел. Если использовать в чистом виде — десять. Для ножей. Я приготовлю растворы, когда вернёмся в форт. Архивариус поможет с дозировкой.

— А для инъекций?

Майя замерла. Её руки — тонкие, бледные, с длинными, ухоженными ногтями, которые она, единственная в клане, умудрялась содержать в чистоте, — замерли на секунду. Потом она продолжила очищать железу.

— Для инъекций нужен антидот, — сказала Майя, и её голос стал тише, почти шёпотом. — Антидота нет. Если ввести яд в кровь, смерть наступит через минуту. Может быть, две. Сердце остановится. Дыхание парализует. Спасти не удастся. Даже мне. Даже Хану. Даже тому, кто создал эту тварь.

Лайла кивнула. Она знала. Она надеялась на чудо, но чудес не бывает. Только кровь, сталь и смерть.

Часть вторая. Искушение осколком

5.

Шрам сидел на бетонном обломке в трёх метрах от туши, прислонившись спиной к холодной, шершавой колонне, и сжимал тесак. Его лицо было бледным — почти синим в тусклом свете утра, — повязка на груди промокла насквозь, но он не обращал внимания. Боль была его старым другом, который не покидал его уже много лет, с тех пор как он впер-

вые взял в руки тесак и понял, что обратного пути нет.

Единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками — следил за работой. За тем, как Волна и Рыжий режут мясо. За тем, как Клык командует разделкой шкуры. За тем, как Лайла и Майя собирают яд. За тем, как Кремень-младший, с одной рукой, пытается помочь, но только мешает. За тем, как Алекс стоит у края туши, сжимая «Рассекатель» в левой руке, и смотрит на чёрную, маслянистую массу, которая когда-то была сердцем Гидры.

— Там что-то есть, — сказал Шрам, когда Алекс подошёл.

— Знаю, — ответил Алекс. — Архивариус сказал. Второй осколок. Или остаток. Или начало.

— Что будем делать?

— Посмотрим.

Они подошли к центру туши, туда, где когда-то билось сердце твари. Тело Гидры было огромным, но они нашли место, где пульсация была сильнее, где чёрная, маслянистая плоть светилась фиолетовым, даже мёртвая. Алекс опустился на колено, вонзил «Рассекатель» в плоть — и клинок вошёл, как в масло, разрезая кожу, мышцы, хрящи, открывая

то, что пряталось внутри.

Камень был маленьким — размером с кулак, с чёрной, блестящей поверхностью, покрытой фиолетовыми прожилками, которые пульсировали в такт его сердцу. Он лежал в углублении, которое, вероятно, было когда-то камерой сердца, и пульсировал в такт чему-то, чего Шрам не мог слышать, но чувствовал всем телом. Камень был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о чём-то, чего никогда не было, но что хотелось бы забыть.

Интерфейс Алекса мигнул красным — ярко, тревожно, как сигнал тревоги, как предупреждение о том, что сейчас произойдёт что-то, что изменит всё.

```
[ОБНАРУЖЕН АРТЕФАКТ: ОСКОЛОК ГИДРЫ (МАЛЫЙ)]
[РЕДКОСТЬ: ЭПИЧЕСКИЙ]
[ЭФФЕКТ: РЕГЕНЕРАЦИЯ 2 ОЗ/МИНУТУ (ПАССИВНО)]
[ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ: ИНТЕГРАЦИЯ +0.5% В ЧАС (НЕОБРАТИМО)]
[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: НОСИТЕЛЬ ПОТЕРЯЕТ ЛИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ 7-10 ДНЕЙ]
[РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ. УНИЧТО-
```

ЖИТЬ ИЛИ ИЗОЛИРОВАТЬ.]

‵‵‵

— Второй, — сказал Шрам, и его голос был ровным, спокойным, но в нём слышалась усталость, которую нельзя было скрыть. — Гидра пыталась регенерировать. Или размножиться. Или создать запасной носитель на случай смерти. Твари умнее, чем мы думаем.

— Или чем мы хотим думать, — ответил Алекс, вытаскивая камень из плоти. Он был горячим — слишком горячим для мёртвого предмета. Он пульсировал в его левой руке, как сердце, как второй осколок, как чужой, голодный организм, который искал носителя, искал кровь, искал жизнь. Алекс почувствовал, как энергия проникает сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости, находит отклик в осколке, который пульсировал в его груди, и они начинают переговариваться на языке, которого он не понимал, но который чувствовал всем телом.

‵‵‵

[Алекс: контакт с Осколком Гидры (малый)]

[ИНТЕГРАЦИЯ: 68% → 69%]

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ДЛИТЕЛЬНЫЙ КОНТАКТ УСКОРЯЕТ ИНТЕГРАЦИЮ]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИЗОЛИРОВАТЬ АРТЕФАКТ В

СВИНЦОВЫЙ КОНТЕЙНЕР]

‵‵‵

— Контейнер, — сказал Алекс, и его голос был резким, как приказ.

Клык, который стоял рядом, достал из сумки маленький, свинцовый футляр — тот самый, в котором они принесли Осколок Гидры (большой) в форт, тот самый, который Архивариус приготовил на случай, если найдутся ещё. Открыл, поднял осколок пинцетом — длинным, стальным, с острыми концами, которые не проводили энергию, с резиновыми ручками, которые изолировали от контакта. Положил в футляр. Закрыл. Щёлкнул замком.

‵‵‵

[АРТЕФАКТ «ОСКОЛОК ГИДРЫ (МАЛЫЙ)»: ИЗОЛИРОВАН]

[ИНТЕГРАЦИЯ АЛЕКСА: 69% (СТАБИЛИЗАЦИЯ)]

‵‵‵

— Два осколка, — сказал Клык, пряча футляр в сумку. — Два «легендарных» артефакта. Два билета в один конец. Если бы мы не знали, что они убивают носителя, мы могли бы стать богами. Или монстрами. Или и теми, и другими одновременно.

— Мы не станем, — ответил Алекс, и его голос был твёрдым, как сталь. — Осколки пойдут в хранилище. Архивариус будет изучать их. Но использовать мы их не будем. Никто. Ни при каких обстоятельствах. Это приказ.

Клык кивнул. Он не спорил. Он видел, что делает интеграция с Алексом. Он видел, что сделали «Когти» с Валетом. Он знал, что сила, которая убивает носителя, — это не сила. Это проклятие.

6.

Девочка с камнем стояла на краю возвышенности, сжимая свой талисман, и смотрела, как взрослые разделывают тушу. Её глаза — огромные, серые — были сухими. Она не плакала. Она давно разучилась плакать. В Воронке плачут только те, у кого есть кто-то, кто вытрет слёзы. У неё никого не было. Кроме Алекса. И он был там, среди мясников, с ножом в руке, в крови, в грязи, в смерти.

Она чувствовала осколки. Даже на расстоянии. Даже сквозь свинец. Она чувствовала их пульсацию, их голод, их зов. Они звали её. Не Алекса. Не Валета. Не того, кто держал их в руках. Её. Потому что чёрная метка на её лбу — остаточная энергия Пророка, которая не рассеялась, а, казалось,

питалась страхом и надеждой, страхом и верой, страхом и любовью — была частью того же, частью Нулевого объекта, частью тьмы, которая пульсировала в сердце Воронки.

Она сжала камень так, что побелели костяшки пальцев. Камень был гладким, тёплым, с едва заметными царапинами. Он не пульсировал. Он не звал. Он просто был. Память. Надежда. Обещание.

— Не смотри на них, — сказал старик, подходя к ней. Тот самый, что привёл беженцев из лагеря «Ткачей». Его лицо было бледным, почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках. На лбу — чёрная метка, такая же, как у неё, но старше, бледнее, почти исчезнувшая. — Не смотри на осколки. Они чувствуют твой взгляд. Они хотят, чтобы ты посмотрела. Чтобы ты захотела. Чтобы ты взяла. Не смотри.

— Я не возьму, — ответила девочка, и её голос не дрогнул. — Я не хочу быть монстром.

— Ты уже монстр, — сказал старик, и его голос был тихим, спокойным, почти ласковым — от этого становилось страшнее. — Все мы монстры. Вопрос только в том, кого мы убиваем. И зачем.

Он положил руку на её плечо — сухую, костлявую, с длин-

ными, пожелтевшими ногтями, которые дрожали. Но рука была тёплой. Живой.

— Твой камень, — сказал старик, глядя на её талисман. — Он не пульсирует. Не зовёт. Не голоден. Он просто есть. Память. Обещание. Надежда. Держись за него. И не смотри на осколки.

Девочка кивнула. Она сжала камень в кулаке и отвернулась.

7.

Архивариус сидел на бетонном обломке в трёх метрах от туши, прислонившись спиной к холодной, шершавой колонне, и сжимал в руках планшет. Его лицо было бледным — почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках, под глазами залегли глубокие, тёмные круги — он не спал уже больше суток, расшифровывая файлы, готовя карты, анализируя риски.

Перед ним на экране пульсировали данные:

```
[АРТЕФАКТ: ОСКОЛОК ГИДРЫ (ЛЕГЕНДАРНЫЙ)]
[ЭФФЕКТ: РЕГЕНЕРАЦИЯ 5 ОЗ/МИН]
```

[ЦЕНА: ИНТЕГРАЦИЯ +1%/ЧАС]

[АРТЕФАКТ: ОСКОЛОК ГИДРЫ (МАЛЫЙ)]
[ЭФФЕКТ: РЕГЕНЕРАЦИЯ 2 ОЗ/МИН]
[ЦЕНА: ИНТЕГРАЦИЯ +0.5%/ЧАС]

[ВОПРОС: ВОЗМОЖНО ЛИ НЕЙТРАЛИЗОВАТЬ ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ?]
[ОТВЕТ: ДАННЫХ НЕТ. ТРЕБУЕТСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ.]
```

Эксперимент. Архивариус ненавидел это слово. Эксперимент означал, что кто-то должен умереть. Или стать монстром. Или и тем, и другим одновременно. Но без экспериментов не было бы прогресса. А без прогресса они умрут. Все. До одного.

Он поднял голову, посмотрел на Алекса, который стоял у края туши, сжимая «Рассекатель» в левой руке. Правая висела на перевязи — сломанная, бесполезная, но он стоял. Он не падал. Он был лидером. Лидеры не падают.

— Алекс, — позвал Архивариус, и его голос был сухим, безэмоциональным, как диктор, зачитывающий сводку погоды. — У меня есть идея. Осколки содержат чистую Нулевую
```

энергию. Ту же, что течёт в твоей руке. Ту же, что питает «Когти» Валета. Если мы сможем выделить её, нейтрализовать побочный эффект, мы сможем лечить интеграцию. Или хотя бы замедлить её. Ты понимаешь, что это значит?

Алекс подошёл. Посмотрел на экран, на цифры, на вопросы, на ответы, которых не было.

— Это значит, что кто-то должен стать подопытным кроликом, — сказал Алекс, и его голос был ровным, спокойным, но в нём слышалась сталь, которую нельзя согнуть, нельзя сломать. — Ты хочешь, чтобы это был Валет? Или я?

— Я хочу, чтобы ты подумал, — ответил Архивариус, и в его голосе впервые за долгое время мелькнуло что-то, похожее на сомнение. — Мы не можем вечно прятать осколки в свинцовых контейнерах. Рано или поздно кто-то найдёт их. Использует. Превратится в монстра. Или в бога. Или в и то, и другое. Если мы не научимся контролировать Нулевую энергию, она уничтожит нас. Всех. До одного.

— А если мы научимся? — спросил Алекс. — Если мы сможем использовать осколки без вреда? Что тогда? Мы станем богами? Или монстрами? Или и теми, и другими?

— Тогда мы выживем, — ответил Архивариус. — Это

единственное, что имеет значение.

Алекс смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Вспомнил, как Архивариус учил его читать карты, как он сидел в командном центре, вжавшись в спинку стула, и его пальцы бегали по клавиатуре, вводя данные, анализируя риски, просчитывая шансы. Он никогда не просил о невозможном. Он никогда не надеялся на чудо. Он всегда рассчитывал только на факты, цифры, логику. И если он говорил, что это возможно, значит, это было возможно.

— Хорошо, — сказал Алекс. — Изучай. Но без экспериментов на живых. Пока не найдёшь способ нейтрализовать побочный эффект. Это приказ.

Архивариус кивнул. Он не спорил. Он знал, что спорить бесполезно. Алекс был лидером. Лидеры отдают приказы. А он, Архивариус, выполняет их. Всегда.

Часть третья. Терновый венец

8.

Валет очнулся через час после того, как отряд вернулся в форт.

Он лежал на койке в лазарете — в том самом углу, где всегда лежал, когда был ранен, когда умирал, когда возвращался. Его лицо было бледным — почти белым, как полотно, как мел, как лицо мертвеца, который ещё не понял, что мёртв. Правая рука — чёрная, пульсирующая, сросшаяся с «Когтями Ворона» — лежала поверх одеяла, и артефакт не пульсировал. Он дышал. Ровно, медленно, как сердце спящего хищника, который наелся и теперь переваривает добычу.

Лайла сидела рядом, сжимая его левую руку. Левая рука была ещё человеческой — бледной, с тонкими белыми шрамами на костяшках, с обломанными ногтями. Она держала её, как держат руку умирающего, зная, что, возможно, это последний раз, когда ты чувствуешь тепло чужой кожи, последний раз, когда ты можешь сказать слова, которые не услышат, но которые нужно сказать.

— Ты жив, — сказала Лайла, и её голос дрогнул — впервые за долгое время, впервые с тех пор, как она стала главным медиком клана. — Я думала, ты не очнёшься.

— Не дождались, — ответил Валет, и его голос был слабым, надтреснутым, как у человека, который долго не пил и не говорил, но в нём слышалась та самая сталь, которая всегда была в нём, даже когда он умирал. — Рука... она... она

не отпускает.

Лайла посмотрела на его правую руку. Чёрная кожа, пульсирующие вены, металлические накладки, которые срослись с костями, с нервами, с кровеносной системой. «Когти» не пульсировали, но они были живы. Они ждали. Они всегда ждали.

— «Когти» насытились, — сказала Лайла. — Они взяли столько, сколько могли. Теперь они переваривают энергию. Когда они проголодаются снова, они возьмут ещё. Твою кровь. Твою память. Твою душу. Интеграция — семьдесят три процента. Если мы ничего не сделаем, через три дня ты перестанешь быть собой.

— А если мы сделаем?

Лайла молчала. Она смотрела на его лицо — бледное, почти прозрачное, с чёрными, пульсирующими венами на висках, — и не знала, что ответить. Правду или ложь? Надежду или приговор?

— Я могу ампутировать руку, — сказала Лайла, и её голос был тихим, почти шёпотом, как у человека, который произносит смертный приговор. — Выше локтя. Убрать «Когти» полностью. Шанс, что ты выживешь — тридцать процен-

тов. Шанс, что ты не умрёшь от потери крови — пятьдесят. Шанс, что «Когти» не начнут высасывать тебя заживо, когда почувствуют, что их отрывают от источника питания — десять. Если всё получится — ты останешься человеком. Без руки. Без артефакта. Но человеком.

— А если я откажусь?

— Тогда ты умрёшь через три дня, — ответила Лайла, и её голос стал твёрже, жестче, почти как у Шрама в лучшие времена. — Или перестанешь быть собой. И мы убьём тебя. Потому что ты не сдашься. Ты будешь драться. Ты убьёшь своих. И мы не сможем тебя остановить.

Валет закрыл глаза. Открыл. Посмотрел на свою правую руку — чёрную, пульсирующую, сросшуюся с «Когтями». Он вспомнил, как надел их в первый раз. Как они запели в его руке, как потребовали крови, как стали частью его. Он вспомнил, как убивал ими. Как они спасли его жизнь. Как они украли его жизнь. Он не знал, благодарен он им или проклинает их. Наверное, и то, и другое.

— Не трогай, — сказал Валет, и его голос не дрогнул. — «Когти» — часть меня. Без них я не Валет. Я просто тень. Без рук. Без ног. Без цели. Я умру в бою. С «Когтями» в руках. Глядя врагу в глаза. Это больше, чем могут сказать о многих.

Лайла хотела возразить, но не стала. Она знала, что спорить бесполезно. Валет был таким же упрямым, как Алекс, как Шрам, как все, кто однажды решил, что умирать — не вариант, а если и умирать, то с честью, с оружием, с именами на устах.

Она оставила у его койки отравленный нож. На столике, рядом с пустой кружкой и старым, потрёпанным журналом, который кто-то читал много лет назад. Нож был маленьким, с узким лезвием, заточенным до бритвенной остроты, с рукоятью, обмотанной изолентой. Лезвие было смазано ядом Гидры — тем самым, который Майя собрала утром, тем самым, который убивает за минуту, не оставляя шанса.

— На всякий случай, — сказала Лайла, не глядя на Валета. — Если решишь, что лучше умереть быстро, чем медленно.

Валет не ответил. Он смотрел на нож долгим, тяжёлым взглядом. Потом взял его, положил под подушку. И закрыл глаза.

9.

Алекс вошёл в лазарет через час. Валет спал — или при-

творялся, что спит, — его лицо было бледным, почти прозрачным, с чёрными, пульсирующими венами на правой руке. «Когти» не пульсировали. Они спали. Лайла сидела рядом, перебирая бинты, и её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели.

— Он принял решение? — спросил Алекс, останавливаясь в дверях.

— Да, — ответила Лайла, не поднимая головы. — Он оставляет «Когти». Говорит, что без них он не Валет. Я оставила ему нож. Отравленный. На всякий случай.

Алекс подошёл к койке, посмотрел на Валета. На его бледное лицо, на его чёрную, пульсирующую руку, на его закрытые глаза. Вспомнил, как Валет уходил в разведку к Барону. Как вернулся — сломанный, израненный, с пластиной в голове, с ядом в кармане, который не принял, потому что надеялся. Надеялся на них. На клан. На семью.

— Ты вернулся, — прошептал Алекс. — Ты всегда возвращаешься. Вернись и в этот раз. Мы ждём.

Он повернулся к Лайле.

— Три дня, — сказал Алекс. — Три дня, чтобы найти спо-

соб снизить интеграцию. Архивариус будет изучать осколки. Майя — яд. Может быть, они найдут что-то. А если нет... если нет, мы будем готовы.

— Готовы к чему? — спросила Лайла, и её голос дрогнул.

— К смерти, — ответил Алекс. — Или к чуду. Посмотрим.

Он вышел из лазарета.

Часть четвёртая. Пир и сталь

10.

Вечером, когда солнце — серое, тусклое, мёртвое — уже клонилось к горизонту, во дворе форта зажгли костры. Костров было три — один в центре, для всех, и два по краям, для освещения. Пламя было жёлтым, коптящим, с запахом горелого дерева и сырости. Оно отбрасывало длинные, пляшущие тени на стены, на лица людей, на землю.

Мясо Гидры варилось в котлах — огромных, ржавых, с отбитыми краями, которые Матрёна притащила из кухни. Котлы были довоенными, с выцветшими надписями на боку, которые никто уже не мог прочитать. Внутри булькала вода,

смешанная с мясом, с солью, с остатками сушёных грибов, которые нашли в подвале. Запах был странным — не мясным, не грибным, а каким-то сладковатым, приторным, как от цветов, которые цветут над братскими могилами.

Люди сидели вокруг костров, сжимая в руках миски — старые, потрёпанные, с трещинами и сколами, — и ждали, когда Матрёна разольёт похлёбку. Дети — те, кто ещё не спал, — сидели на коленях у матерей, сжимая пустые кружки, и смотрели на котлы голодными, блестящими глазами. Старики шептали молитвы, которые уже не помогали. Бойцы сидели с оружием, готовые к бою, даже здесь, даже в относительной безопасности форта.

Алекс стоял у центрального костра, сжимая «Рассекатель» в левой руке. Правая висела на перевязи — сломанная, бесполезная, но он стоял. Он не падал. Он был лидером. Лидеры не падают.

— Сегодня мы едим мясо Гидры, — сказал Алекс, и его голос разнёсся по двору, отражаясь от стен, возвращаясь эхом, многократно усиленный. — Сегодня мы надеваем броню из её шкуры. Сегодня мы смазываем стрелы её ядом. Сегодня мы выжили. Это победа. Не над «Голосом». Не над Мадам. Не над Воронкой. Над собой. Над страхом. Над смертью.

Он замолчал. Ветер завыл в стенах, затих. Даже дети перестали шёптаться. Все смотрели на него — кто с надеждой, кто со страхом, кто с ненавистью.

— Но мы не должны забывать, — продолжал Алекс, — что Гидра была монстром. И мы используем её плоть, её шкуру, её яд, чтобы убивать других монстров. Мы не станем монстрами. Мы не станем Гидрой. Мы останемся людьми. Даже если придётся есть мясо чудовищ. Даже если придётся носить их шкуру. Даже если придётся убивать их ядом. Мы — «Нулевые». Мы не сдаёмся. Никогда.

Он поднял миску — старую, потрёпанную, с трещиной на краю, — и все подняли свои.

— За победу, — сказал Алекс. — За жизнь. За «Нулевых».

— За «Нулевых»! — повторили люди.

Матрёна начала разливать похлёбку. Жидкая, с плавающими кусками тёмного, почти чёрного мяса, пахнущая сладко и пряно. Люди ели молча. Кто-то морщился, кто-то ел с жадностью, кто-то откладывал в сторону, чтобы отнести раненым, которые не могли прийти.

Волна ела рядом с Шрамом. Её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который потерял всё, кроме оружия, и больше не боялся потерять жизнь. Она ела мясо Гидры без отвращения. Она ела, потому что была голодна. Потому что знала: если она не будет есть, она умрёт. А если она умрёт, её смерть будет напрасной.

— Ты чувствуешь вкус? — спросил Шрам, глядя на неё.

— Нет, — ответила Волна. — Я чувствую только голод. И усталость. И пустоту.

— Это нормально, — сказал Шрам, и его единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками — смотрел на неё с той особенной, тяжёлой заботой, которая бывает у старых воинов, когда они видят молодых, идущих по их пути. — Голод пройдёт. Усталость пройдёт. Пустота останется. Но ты привыкнешь. Или не привыкнешь. Посмотрим.

Волна кивнула. Она доела похлёбку, поставила миску на землю и пошла к котлу за добавкой.

11.

Кремень-младший и Рыжий получили новые щиты.

Гвоздь склепал их из шкуры Гидры — чёрной, блестящей, с фиолетовыми прожилками, которые пульсировали в темноте, как живые. Щиты были лёгкими — легче стальных, но прочными, способными выдержать удар арбалетного болта или когтя мутанта. На каждом щите был вырезан символ «Нулевых» — единица, вписанная в ноль, — и имя владельца: «Кремень» и «Рыжий».

Кремень-младший держал щит в левой руке — правая была сломана, замотана в бинты, висела на перевязи. Щит был лёгким, но неудобным — он ещё не привык к нему. Но он будет привыкать. Он будет тренироваться. Он будет готов.

— Спасибо, — сказал Кремень-младший, глядя на Гвоздя.

— Не благодари, — ответил Гвоздь, и его голос был ровным, спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз. — Выживешь — расквитаешься.

Он повернулся и пошёл к кузнице — ковать новые наконечники для стрел, смазывать их ядом Гидры, готовить оружие для следующего боя.

Рыжий сжимал щит так, что побелели костяшки пальцев. Щит был его. Не чужим. Не временным. Его. Он заслужил его. Он не был трусом. Он помог убить Гидру. Он нёс баллон. Он поджигал. Он не сбежал. Он был «Нулевым».

— Ты гордишься? — спросил Кремень-младший, глядя на него.

— Нет, — ответил Рыжий, и его голос дрожал. — Я боюсь. Боюсь, что не смогу оправдать. Боюсь, что умру в следующем бою. Боюсь, что щит не спасёт.

— Это нормально, — сказал Кремень-младший. — Бояться — нормально. Главное — не останавливаться. Идти вперёд. Даже когда страшно. Даже когда больно. Даже когда кажется, что сил больше нет. Идти. Потому что если ты остановишься, умрут другие.

Рыжий кивнул. Он повесил щит за спину и пошёл к казарме — тренироваться, учиться, готовиться.

12.

Лайла сидела в лазарете одна. Раненые спали — кто-то ровно, спокойно, кто-то с кошмарами, кто-то с криками, от которых сводило зубы. Валет спал без сновидений — его ли-

цо было бледным, почти прозрачным, правая рука пульсировала в такт сердцу, медленно, ритмично, как вторичное дыхание.

Лайла смотрела на него и думала о том, что три дня — это много. Три дня — это мало. Три дня — это вечность, когда ждёшь смерти. Или чуда. Она не знала, чего ждёт. Наверное, и того, и другого.

Она взяла отравленный нож из-под подушки Валета — маленький, с узким лезвием, с рукоятью, обмотанной изолентой. Лезвие блестело в тусклом свете аварийной лампы, и Лайла видела в нём своё отражение — бледное, усталое, с чёрными кругами под глазами. Она не знала, сможет ли она убить Валета, если придётся. Она знала только, что должна быть готова. Должна. Потому что если она не будет готова, его убьют другие. Или он убьёт их. Или «Когти» убьют всех.

Она положила нож обратно под подушку.

— Три дня, — прошептала Лайла. — Три дня, чтобы найти чудо. Или смириться со смертью.

Она закрыла глаза и провалилась в сон — тяжёлый, без сновидений, без кошмаров, без надежды.

Часть пятая. Новая цель

13.

Алекс стоял на стене форта и смотрел на юг. Ночь была чёрной, беззвёздной, и только ветер выл в стенах, завывал в пустых оконных проёмах, бросал в лицо мелкий, колючий пепел.

Интерфейс пульсировал перед глазами, отсчитывая ресурсы, уровни, угрозы.

```
[РЕСУРСЫ КЛАНА]
[ЕДА: 30 ДНЕЙ (+28)]
[ВОДА: 1 ДЕНЬ (0)]
[БОЕПРИПАСЫ: 0]
[МЕДИКАМЕНТЫ: 1 ДЕНЬ (0)]

[ТРОФЕИ ГИДРЫ: ШКУРА (5 КОМПЛ.), ЯД (20 ДОЗ), МЯСО (30 ДНЕЙ)]

[УРОВЕНЬ: 17]
[ДОСТУПНЫ НОВЫЕ НАВЫКИ: 2]
```

Два новых навыка. Алекс открыл список — навыки пульсировали зелёным, предлагая силу, скорость, выживание. Он выбрал один: «Воля» — снижает скорость интеграции на 10% в стрессовых ситуациях. Второй: «Лидерство» — увеличивает боевой дух отряда на 15%, когда он находится в зоне видимости.

```
[ВОЛЯ (УР.1): ИНТЕГРАЦИЯ -10% В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ]
[ЛИДЕРСТВО (УР.1): БОЕВОЙ ДУХ ОТРЯДА +15%]
```

Он выбрал их не для себя. Для клана. Для выживания. Потому что если он умрёт, навыки не спасут. А если выживет — спасут других.

Он закрыл интерфейс.

14.

Девочка с камнем подошла к нему бесшумно, как тень. Она сжимала в руке свой гладкий, тёплый талисман — тот самый, который отдала ему перед боем с Гидрой и который он вернул ей, когда вернулся. Камень был тёплым, но не пульсировал. Он просто был. Память. Обещание. Надежда.

— Ты смотришь на юг, — сказала девочка. — Туда, где была Гидра. Ты боишься, что она вернётся?

— Нет, — ответил Алекс, не оборачиваясь. — Она мертва. Я боюсь «Голоса». Он вернётся. Не сегодня. Не завтра. Но вернётся. И мы должны быть готовы.

— А ты боишься осколков?

Алекс замер. Посмотрел на неё — на её огромные, серые глаза, на чёрную метку на лбу, которая пульсировала в темноте, как живая, как вторая, чужая душа.

— Да, — признал Алекс. — Боюсь. Не за себя. За вас. За Валета. За тех, кто не сможет устоять перед искушением. Сила — это яд. Она убивает медленнее, чем нож, но вернее.

— Я не возьму осколки, — сказала девочка, и её голос был твёрдым, как сталь. — Я не хочу быть монстром.

— Ты уже монстр, — сказал Алекс, и его голос был тихим, почти шёпотом, как у человека, который говорит правду, даже если она убивает. — Все мы монстры. Вопрос только в том, кого мы убиваем. И зачем.

Девочка сжала камень в кулаке.

— Я убиваю тех, кто хочет убить моих друзей, — сказала она. — Это правильно?

— Это необходимо, — ответил Алекс. — Не правильно. Не справедливо. Нечеловечно. Но необходимо. В Воронке выживают только те, кто готов убивать. Или умирать. Или и то, и другое.

Он повернулся к пустоши.

— Завтра мы ищем топливо, — сказал Алекс. — Архивариус нашёл старую заправку в трёх километрах к северо-востоку. Там могут быть канистры с бензином. Или соляркой. Или тем, что осталось. Если мы найдём топливо, мы сможем использовать БТР «Голоса». Или свой. Или построим новый. Главное — двигаться. Искать союзников. Или врагов. Или и то, и другое.

— Я пойду с тобой, — сказала девочка.

— Нет, — ответил Алекс. — Ты останешься в форте. Будешь учиться. Будешь тренироваться. Будешь готовиться. Твоё время ещё не пришло.

— А когда придёт?

— Не знаю, — ответил Алекс. — Но ты узнаешь. Ты всегда узнаёшь.

Он сжал «Рассекатель» в левой руке. Правая — сломанная, бесполезная — висела плетью. Он закрыл глаза. Открыл.

И остался на стене — ждать рассвета, ждать новых боёв, ждать того, что принесёт им Воронка.

Потому что Воронка не кончалась никогда.

И «Нулевые» менялись вместе с ней.

Эпилог. Глаза из темноты

Где-то на северо-востоке, в старом, заброшенном бункере, горел свет.

Не аварийный — настоящий, яркий, белый, как тот, что был на поверхности, когда-то, очень давно, когда мир не был серым, когда небо было голубым, а солнце — жёлтым, а во-

да — чистой. Лампы дневного света, которые работали от мощного дизельного генератора, гудели ровно, монотонно, как сердцебиение гигантского механического зверя, который спал, но мог проснуться в любой момент.

За длинным, металлическим столом сидел человек в чёрном плаще. «Голос». Его лицо было скрыто маской из чёрного, блестящего пластика, с голубоватыми прожилками, которые пульсировали в такт его дыханию. На груди — нашивка: белый череп на чёрном фоне, сжимающий в зубах молнию. Символ «третьей силы».

Перед ним на столе лежала карта Восточного сектора. На месте форта «Нулевых» горел зелёный крест. На месте болот, где была Гидра, — чёрный крест.

— Они убили Гидру, — сказал голос из темноты. Тихий, спокойный, почти ласковый. — Они забрали шкуру, яд, мясо. Они стали сильнее.

— Знаю, — ответил «Голос», и его голос был усилен динамиками, встроенными в маску, и звучал механически, неестественно. — Но они истекают кровью. Валет умирает. Алекс сломал руку. Шрам едва стоит. Ресурсы на исходе. Через неделю они будут готовы. Через две — забудут о нас. Мы ударим раньше.

— Когда?

«Голос» поднялся, подошёл к окну. За бронированным стеклом была пустошь — серая, бесконечная, пустынная. Ветер нёс пепел и пыль, смешивая их с серым небом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.